

КОММЕНТАРИИ

Рассказы журналистов-путешественников

Лучшие отели мира

«Коммерсантъ»

2008

Лучшие отели мира / «Коммерсантъ», 2008

Что делает отель по-настоящему роскошным? Архитектура, интерьеры, история, знаменитые постояльцы, комфорт или заоблачные цены? О лучших отелях мира на основании личных впечатлений рассказывают «профессиональные» путешественники – журналисты ИД «Коммерсантъ». В книгу включены рассказы о «первой сотне» отелей Европы, США, Азии, Африки и Латинской Америки, в том числе великих «грандах», дизайнерских отелях, курортах и местах для экзотического отдыха. Книга будет интересна как «прожигателям жизни», так и всем, кто просто любит путешествовать с чувством, с толком, с расстановкой. Ее с удовольствием прочитают и те, кто тяготам дальних странствий предпочитает отдых на диване с книгой в руках.

, 2008

© Коммерсантъ, 2008

Содержание

Вместо предисловия	5
Классика жанра	7
Вена в шоколаде	8
Нежная патина Берлина	14
Между Доломитами и Адриатикой	23
Банк по-сиенски, или Капитальный отель	27
Тосканская сестра Villa d'Este	31
Жемчужина «Общества»	36
Приют усталого игрока	40
SPA в императорском отеле	43
Не надо быть проще!	49
Всё, как при Шанель	53
Памяти барона Османна	57
Сюр по-королевски	61
Стояние на Рейне	69
Артистический пейзаж	72
Глянцевая Женева	75
Новые виды на озеро	79
Fashion & fusion	84
Casual по-венски	85
На задворках Букингемского дворца	90
Великая коктейльная революция	94
Кролики, виски и президенты	98
Шик-модерн	102
Уютная нора бургера	108
Новая Саксония	109
Немецкий след Джона Леннона	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Валерия Башкирова, Виктория Завьялова

Лучшие отели мира

Вместо предисловия

Жизнь в роскоши

Екатерина Истомина

Существует много мнений о том, каким должен быть luxury-отель. Что делает отель таким? Старинное здание и традиции? Архитектурные красоты? Дизайнерские штучки? Сверхкомфорт? Немыслимые цены? Уникальный природный пейзаж? Незабываемые впечатления?

Эта книга – попытка рассказать о лучших отелях мира. Самых дорогих, самых знаменитых, самых красивых и, конечно же, самых удобных. И не просто рассказать, а дать читателям возможность увидеть их глазами постояльцев, путешественников: опытных, искушенных и даже профессиональных – таких, какими могут быть только журналисты, в том числе работающие в ИД «Коммерсантъ».

Отели, о которых пойдет речь (как, впрочем, и те, кто о них написал), – очень разные. Поэтому мы попытались разбить их на группы. Получилось семь групп. Соответственно в книге семь глав.

Первая глава – «Классика жанра» – это повествование о «старых грандах», «старейшинах», «дуайенах» мира отелей. А поскольку многие путешественники полагают, что роскошной гостиницей может считаться только гранд-отель, расположенный в центре европейского мегаполиса, то это главным образом европейские отели, и прежде всего парижские. Ritz, Le Meurice, Le Bristol – обитаемые музеи: золото, лепнина, огромные, с патиной зеркала, гастрономические рестораны с многочисленными звездами престижного ресторанный-гостиничного путеводителя «Мишлен», зимние сады и мраморные статуи. И легендарные постояльцы.

Удобно ли здесь жить? Да, если вы согласны стоять в длинной очереди на завтрак в Ritz. Да, если вы согласны днями и ночами видеть в коридорах Le Bristol чьих-то мрачных охранников, увешанных наушниками. Ведь постояльцы обитаемых музеев – это и Габриэль Шанель (Ritz), и Владимир Путин (Le Bristol), и испанский король Альфонсо XIII (Le Meurice). Гранд-отели – это роскошь, которая дает почувствовать себя рядом с историей.

Во второй главе – «Fashion & Fusion» – мы расскажем об отелях современных, не только роскошных, но и модных. Каждый из них по-своему «крут». The Gleneagles Hotel в Шотландии славится кроликами, виски и знаменитыми постояльцами, а в Bayerischer Hof в Мюнхене останавливались битлы. От старинных гранд-отелей их отличает одно: это – герои новейшей истории.

Третья глава называется «Скромное обаяние дизайна». Некоторые полагают, что уловить истинное дыхание современности можно только в дизайнерском отеле. Но дизайнеры иногда накрутят такого... Автор этих строк, остановившись в дизайн-отеле Palaffite в швейцарском городе Невшателе, потратила 40 минут на то, чтобы найти в номере туалетную кабинку. Чтобы избежать большего конфуза, пришлось согласиться на меньший: звонить на reception.

Четвертая глава – «Сельская идиллия» – рассказ о роскоши, которой можно насладиться, только отдыхая в очаровательном крошечном отеле, расположенном вдали от шумных аэро-

портов, автомобильных пробок и грохота мегаполисов. Многие тратят солидные средства, чтобы выспаться в благословенной сельской тиши, где звон электрического будильника заменяет крик молодого петуха, – например, в отеле Four Seasons в Хэмпшире или в «домике в тосканской деревне» (Villa Arceno).

Пятая глава называется «Для тела и души». Ведь роскошь предполагает красоту не только отеля, но и постояльцев. Вернее, возможность позаботиться о красоте (и здоровье, конечно). Поэтому, по мнению многих, роскошный отдых – это отдых в SPA-центрах: йога, медитация, массажи и тренажерный комплекс по Йозефу Пилатесу. Дух, тело, фигура, правильное дыхание, осанка. Плюс витамины, термальные воды, диетическое питание. Отель Fonteverde в Тоскане приглашает поплавать в термальных, с таинственным лечебным планктоном водах из собственных источников. В Эвиане на Женевском озере минеральные воды – такие теплые, противные, но зато с ужасно высоким содержанием невероятно полезных солей – по большей части пьют, причем строго по часам, из специальных фарфоровых кружек. И кажется, что из-за угла лечебницы выглядывает строгий врач в круглом золотом пенсне, с маленькой острой бородкой, в белом халате. И вот тогда понимаешь, что самая настоящая роскошь – как можно дольше не встречаться с врачами.

Да здравствует солнце! Да здравствует жизнь на маленьком островке, в покосившемся деревянном бунгало с соломенной крышей! Или на островке, не таком уж и маленьком (например, на Кипре, Майорке или Мадейре). Восходы и закаты на море, пляжи, дайвинг... И – тепло, тепло, тепло! И вокруг – вода, вода, вода, морские волны или гладь озера... Шестая глава книги называется «Острова и озера роскоши».

Седьмая, и последняя глава – «...И немного экзотики» – посвящена отелям, для постояльцев которых главное – острые ощущения. Ведь многие ищут роскошь именно в экзотике, в новом опыте, в постоянной смене впечатлений. Индия, Китай, восточное и южное побережье Африки – где же еще искать все это? Ее предостаточно в отеле AnandaSPA в индийских Гималаях, в «китайской Венеции» – Макао, в палатках Saskwa Lodge в национальном парке Серенгети в Танзании.

Разумеется, наша классификация очень субъективна. Впрочем, любая классификация условна. Отели «для тела и души» могут быть и гранд-отелями, среди «экзотических» можно найти и дизайнерские, гостиницы в сельской глуши могут быть самыми современными и очень дорогими. Роскошь и представления о ней так же многолики, как и люди, для которых они предназначены. О самых-самых-самых отелях можно рассказывать бесконечно. Но все дело в том, что идеального роскошного отеля просто не существует. Хотя бы потому, что не существует идеального постояльца.

Классика жанра

Вена в шоколаде

Sacher, Вена, Австрия

Алексей Тарханов

Sacher – это, во-первых, торт, во-вторых, отель и, в-третьих, человек.

Давным-давно в одном сказочном королевстве под названием Австро-Венгрия решили выяснить, что является главным сокровищем национальной кухни. В список претендентов вошли и яблочный штрудель, и венгерский гуляш, и шницель по-венски.

Но разразился нешуточный скандал: оказалось, едва не забыли о торте Sacher. Возможно, потому, что имен изобретателей Apfelstrudel, Gulash и Weiner Schnitzel история не сохранила, а вот имя Франца Захера вписано в нее шоколадными буквами.

В 1832 году «кучер Европы», австрийский канцлер князь фон Меттерних первым отведал это лакомство.

– Кто испек этот потрясающий, превосходный торт? Назовите мне имя этого человека! – вскричал великий политик.

– Захер! – был ему ответ.

Молодой повар прославился в тот день на всю империю. Так что его имя на фасаде 130-летней венской гостиницы напоминает об основателе династии кондитеров и отельеров. И хотя последние десятилетия отелем (основанным сыном знаменитого кондитера) владеет семья Элизабет Гюртлер, только здесь имеют право продавать тот настоящий, единственный Original Sacher-Torte, который в советское время был знаком нам по дурным копиям из кулинарии «Будапешта». Что и неудивительно, если знать, что рецепт этого торта держится в строжайшем секрете.

Один из главных и старейших отелей Европы не зря назывался когда-то Hotel de l'Opera – он расположен по соседству с Венской оперой, и до сих пор здесь предпочитают останавливаться оперные звезды и почитатели оперного искусства, приезжающие на очередную премьеру. Другие здания, расположенные по соседству, – музей Альбертина, манеж Испанской школы верховой езды, Бельведер и самый прекрасный в мире (на мой взгляд) Музей истории искусств – тоже из разряда must see.

В 2006 году, кроме истории, расположения, репутации и знаменитой на всю страну услуги, у отеля появился еще один козырь – два мансардных этажа с балконами и террасами. Это роскошь для плотно застроенного центра Вены. Новые комнаты (их 43) отличаются от номеров, расположенных на нижних этажах, – огромных, барочных, театральных, даже носящих названия опер – «Мадам Баттерфляй» или «Катя Кабанова».

Они – для публики поживей и помоложе, способной оценить террасы для утреннего кофе и вечернего шампанского и ванны с видом на венские крыши. Кроме того, их отличает удивительно продуманная система освещения.

Мансардные этажи в целом сохранили стиль старого Sacher. Известный французский декоратор Пьер-Ив Рошон вместе с Элизабет Гюртлер разместил в коридорах живопись и графику, которой отель славился еще в начале XX века – со времен знаменитой хозяйки Анны Захер.

Блестящая венская дама носила смокинг и курила гаванские сигары, а в знакомых у нее ходила вся богемная элита Австрии. На ее похороны (отельная дива скончалась в семьдесят два года в своей постели в собственном доме, которым она справедливо считала Sacher) пришло множество людей. Это были самые светские похороны 1930 года. Карикатурист даже изобразил апостола Петра, встречающего госпожу Захер у райских врат с коробкой сигар.

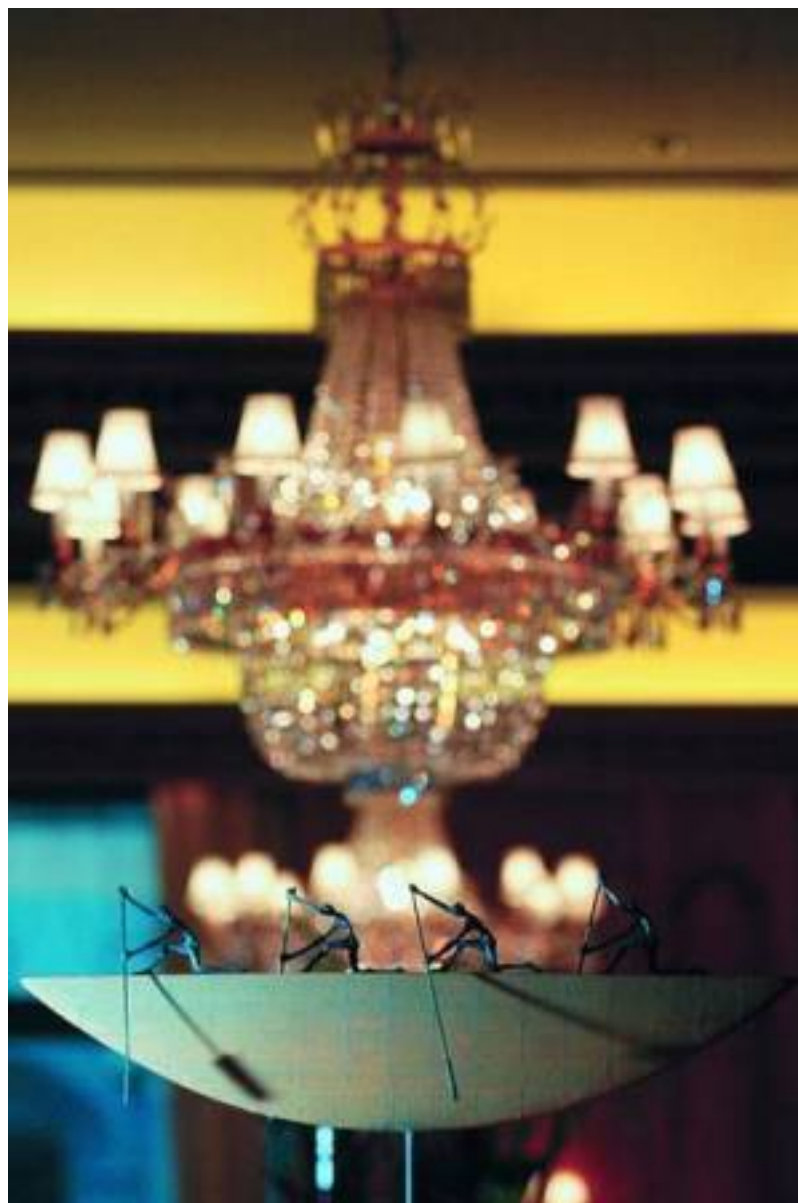
В гостиной первого этажа несколько стен увешаны разнокалиберными фотографиями великих, которые полеживали на захеровских простынях и кушали в захеровских ресторанах знаменитый субботний Tafelspitz – всего-навсего вареную телятину, но какую! (Несчастливые борцы с мясным бульоном, жалкие рабы проамерикански настроенных диетологов, к вам обращаюсь я, друзья мои. Попробуйте хоть раз это первое и второе в одном котле! Закажите его за столиком Rote Bar, названного так за цвет стен, а не в честь красноармейцев, устроивших здесь в 1945 году конюшню – в самом прямом, а отнюдь не фигуральном смысле.) Глядя на снимки постояльцев, собиратели автографов скулят от зависти. В отличие от подписанных фотографий, живопись чаще анонимна – чтобы не создавать ненужного соблазна: в номерах и в коридорах висят вещи, по которым плачут музеи, даже такие богатые, как венские.

Помимо привычных солевых процедур и травяных саун, родина торта предлагает Hot Chocolate Treatment. Вас отправляют в парилку, потом кладут на кушетку, делают легкий массаж и покрывают шоколадной массой. Целый день после этого вы не только радуетесь помолодевшей коже, но и пахнете самым знаменитым шоколадом Австрии, имя которого написано на фронтоне вашего отеля – старого доброго венского Sacher.

Нежная патина Берлина

The Regent, Берлин, Германия

Екатерина Истомина

Роль главного парадного гранд-отеля Берлина сейчас исполняет отель The Regent (а вовсе не Adlon Kempinski, в чем свято убеждены многие). Под новым названием этот отель пока не очень хорошо знают берлинские таксисты. Таксист призадумается, если вы скажете ему: «The Regent». Лучше говорить: «Four Seasons», обязательно уточнив: «Бывший Four Seasons». Отель был продан совсем недавно, переделан и стал называться The Regent.

The Regent – это Scharlottenstrabe, улица, которая идет параллельно Friedrichstrabe, главной улице бутиков района Mitte. Это буржуазный центр отстроенного, нового (но позиционирующегося как старый) Берлина. Берлин Mitte отличают высокие каменные «кайзеровские» дома, стоящие сплошной суровой стеной. Эти дома как бы покрыты патиной: вид у них такой, будто строили давно, но это новостройки. Причем грандиозные каменные новостройки, что вообще-то редкость для Берлина, визитной карточкой которого в последние десять лет были модернистские стеклянные сооружения Potsdammerplatz. До любого бутика Hermes или дорогих торговых центров вроде Quartier 205, 206, 207, что на Friedrichstrabe, от The Regent – рукой подать. Модный прокуренный бар Helmut Newton (для диджея) – за углом. Здание Берлинской оперы (для души) – на соседней улице. Несмотря на близость всех жизненно важных точек, на Scharlottenstrabe тихо.

Большое значение для гранд-отеля всегда имеет центральный холл. Центральный холл – как первая любовь. Из-за холла любовь к отелю может и не сложиться. Холл гранд-отеля не имеет права быть низким и загроможденным. Он также не имеет права быть хоть сколько-нибудь заполненным людьми. В The Regent – пустота театральной сцены.

В The Regent – восемь этажей. Предельная высота для гранд-отеля. Пусть выше селятся бизнесмены. При большей высоте гранд-отеля начинает казаться, что находишься в заброшенном офисе кайзера. Стиль The Regent – это балетный стиль. Патинированное, нежное золото, букеты орхидей и территория бежевого цвета. The Regent – отель для уединения, мыслей и потертых томиков Гейне.

Стиль The Regent – нежная золоченая патина. Ее не хватает нынешнему Берлину, городу отчаянному, при всей своей прозрачности. Даже в местной опере не встретишь таких хрустальных люстр, таких смешных пузатых фарфоровых ваз, бесконечных ковров, ножек кресел в виде львиных лап, кожаных подлокотников, какие есть в The Regent. Немецкая патина – самая ухоженная патина в мире. Патина в The Regent, конечно, новодел, но похожий на уютную семейную реликвию. А вообще-то здесь хочется блеснуть, как начищенный немецкий таз.

Оба раза, когда мы останавливались в The Regent, нам казалось, что здесь обитают некие потусторонние силы. Присутствие таинственных сил особенно заметно в самых больших номерах отеля, имеющих весьма сложную, почти английскую планировку. Длинные узкие коридоры, закоулки, закутки, шкафы, стенные шкафы, сейфы, комоды, бюро, столики, этажерки, кресла, пуфы – в приличном номере The Regent полно старой или кажущейся таковой мебели. Тоже традиционно английская милая черта: где-то что-то все время скрипит, постукивает, поскрипывает, подвывает. Все это к тому, что The Regent – место, почти подобное замку, поместью, и сами интерьеры копируют обстановку старого богатого дома где-нибудь в Хэмпшире – гербарии на стенах, пожелтевшие страницы из старых атласов, кожаная потертая мебель, фарфоровые вазы, портреты каких-то усатых господ и бледных, с лихорадочным на щеках румянцем дам, мраморные бюсты гениев.

Гастрономический ресторан The Regent имеет две звезды «Мишлен» (сейчас это рекорд для Берлина). Здесь завтракают постояльцы. Сомнительное японское меню, но превосходная национальная кухня. Хит программы – резные кровяные колбаски, панированные рыжими лесными лисичками и цветками настурции. Хороши телячьи котлеты. Радует дичь. Коллекция вин занимает три комнаты. Ужин при свечах. Подсобка отдельного бара ломится от бутылок кирша. Сам бар вечерами приятным образом пуст.

Блистательное общество делового Берлина – седые инвесторы не спеша обедают с банкирами, обычные банкиры – с инвестиционными банкирами. И все приходят с женами, на женах – небольшая выставка украшений от *Bvlgari*. После обеда или ужина (как правило, при свечах) деловое общество перемещается в душевный, английского вида бар, где дамы аккуратно берут холодный фирменный «Кир Рояль», а джентльмены позволяют себе аж три рюмки шнапса на троих.

Кстати, бизнесмены останавливаются в *The Regent* не случайно: на верхнем этаже гранд-отеля есть конференц-комната, рассчитанная на десять-двенадцать человек, то есть здесь спокойно можно провести заседание совета директоров. Продолжить его можно в небольшом фитнес-центре – тренажеры и сауны, кабинеты *SPA*. Обстановка также английская, те же гербарии в винтажных рамочках на стенах, вазы, бюсты.

В «мишленовском» ресторане установлен антикварный бюст мрачного мужчины, который имеет привычку коситься всем в тарелки. Это глухой и, судя по всему, ужасно голодный композитор Бетховен. С мраморным бюстом связана одна интересная история. Этот бюст – живой, бюст-путешественник, бюст-лакомка. Сколько Бетховена ни выносили из ресторана, он неумолимо оказывается здесь вновь и вновь. Как это происходит, каким именно образом каменный Бетховен все время материализуется возле раздачи вкусных блюд – этого не знает никто.

Обитатели The Regent, как правило, люди очень музыкальные, один из консьержей отеля работает только на то, чтобы «доставать» билеты в театры, преимущественно – в оперу. Нам тоже удалось схватить «лишний» билетик на дефицитное «Лебединое озеро» (директором балета Staats Oper является сам Владимир Малахов, первый танцовщик мира, как пишут о нем европейские СМИ).

Отель The Regent, долго искавший себя, наконец выявил свое лицо, нашел он наконец свое отличие от других дорогих отелей Берлина. Это самый консервативный, самый добропорядочный и самый английский отель столицы Германии. Немного от лондонского The Ritz, немного от лондонского же Claridge's, публика, опера, дорогие магазины и – собственные привидения.

Между Доломитами и Адриатикой

Hotel Villa Luppis, Порденон, 50 км от Венеции, Италия

Игорь Мальцев

В Hotel Villa Luppis с 1800 года устраивали шикарные приемы и отдыхали лучшие граждане Италии и прочей Европы. Сегодня виллу можно снять целиком. И отдохнуть с детьми, мамой, тещей, теткой и друзьями, если те согласятся поехать в такой компании.

Милое дело – жить между горами и морем. И чтобы расстояние между ними было не слишком малым. Этим, наверное, руководствовались монахи, когда строили свой монастырь в XI веке между двумя речками – Ливенцей и Медуной. В месте, откуда почти одно и то же расстояние что к морю – Венецианскому заливу Адриатического моря, что к Доломитам – самым живописным горам Европы. Они назвали свое жилище *San Martino Ripea Ruptae*.

Много времени прошло, то есть перестроек и прочих исторических ускорений: монастырь перестраивался, монахи его покидали, строение разрушала война между Габсбургами и Венецианской республикой. А потом пришел Наполеон и вообще лишил это здание священного статуса. Перевел его в гражданское, цивильное жилье. В 1800 году его смогла купить семья нобилей под благородной двойной фамилией Къеза-Луппис (так что *Luppis* в названии – не от слова «волк», а от имени собственного). Это место стало шикарным загородным поместьем в *Rivarotta Di Pasiano*.

Поколения родственников Къеза-Луппис устраивали здесь приемы. Они не только веселились, но и одновременно решали свои политические и экономические проблемы с нужными гостями. Сегодня вилла все еще задорно напоминает о шикарном прошлом. И не потеряла своего шика и аристократизма благодаря идее превратить ее в один из самых красивых и очаровательных отелей Северной Италии, да и вообще Европы. Теперь возможные проблемы с финансированием ремонта и реконструкции исторической недвижимости решены.

Стараясь сохранить первоначальную планировку, нынешние хозяева превратили виллу в прекрасное место для проживания изысканных гостей, которые могут разместиться в 31 комнате, среди которых – четыре исторических съюта. Вряд ли стоит говорить, что вся мебель здесь – находка для любого антикварного аукциона Европы. Плюс собственный ресторан с шефом по имени Антонио Санна.

В том, как расписаны потолки в некоторых частях здания, искусствоведы видят уникальное произведение искусства, которое, оказывается, кроме виллы Lurpis, встречается только в одном месте – в польском городе Кракове.

Если мы отправимся туда целой компанией – не только с друзьями, но и с родней, – то можно занять как минимум на неделю всю виллу. Стоить это будет примерно €50 тыс. на всех. На самом деле это цена, сопоставимая с ценой фрахта хорошей яхты на тот же срок. Только эта яхта по имени Lurpis рассекает не волны, а зеленые сады собственного парка, который насчитывает 6 гектаров.

Родственники и друзья любят поесть и попить. К этому вспомнилось, что на вилле на самом деле целых два ресторана. Так что голодным никто не останется. Блюда, кстати, здесь называют в честь великих художников парижской школы – например «Василий Кандинский».

В парке находится плавательный бассейн, окруженный вековыми деревьями, теннисный корт, беговая трасса и гимнастический зал. Скучать здесь, так или иначе, не придется. Дело в том, что до города Удины – 15 км. Здесь, может быть, вы заинтересуетесь судьбой удивительного народа под названием «удины», который исчез с этой земли вместе со своим языком и культурой.

До Триеста всего 110 км, то есть, если нет пробок, можно доехать за час с лишним. В древнеримский город Аквилея ехать всего минут тридцать-сорок. До приморского курортного города Линьяно с золотыми песками ровно столько же, сколько до красавицы Венеции, – 50 км. Меньше часу езды и в том случае, когда вы – на своей машине, и тогда, когда пользуетесь гостиничным автобусом-шаттлом. Для горнолыжников здесь сезон довольно продолжительный, ведь Доломиты – это Южный Тироль, Итальянские Альпы. До горнолыжного курорта Пианкавалло отсюда всего 45 минут на машине. А можно заняться гольфом на площадках в Авиньяно или все в том же Линьяно.

Но на самом деле ближайший городок Одерцо столько вам расскажет об истории края, о славных древнеримских воинах и об их нравах, что можно далеко не ездить. Римляне называли город *Opitergium* и оставили нам развалины своего форума, термальные бани и улицу Мозаики.

Иногда Джорджио и Стефания Луппис проводят для желающих курсы художественной фотографии. Три дня, с пятницы по воскресенье, они совместно с потрясающим фотографом Алессіо Джузеппе Веронезе (у него степень магистра изобразительных искусств, а точнее, фотографии) проводят семинар с практическими занятиями. Причем занятия проводятся в том числе и в области фотопечати – автоматической и ручной, что наиболее интересно. Забыли, наверное, каково стоять в комнате, освещенной красным светом, у увеличителя? Здесь вам могут напомнить. Учат работать с искусственным и естественным светом, с цветом, с чувствительностью пленки. Учат правильно работать с камерой – от компактных камер до среднеформатных 6´6. Кстати, обучение прерывается шопингом и винными дегустациями. Наиболее успешные ученики поощряются хорошим вином, просекко...

По моим наблюдениям, к творческому началу в человеке здесь обращаются отнюдь не случайно. Живя хотя бы неделю в таком окружении (и природном, и архитектурном), человек, если только в нем осталось место для понимания прекрасного, так или иначе попытается выплеснуть впечатления. Кто-то в литературной форме, кто-то вспомнит, что в детстве он неплохо рисовал и у него до сих пор где-то лежат краски и палитра... А кто-то потянется и за камерой.

Банк по-сиенски, или Капитальный отель

Grand Continental, Сиена, Италия

Екатерина Истомина

Сиена – город с драматической судьбой. Как и любой средневековый и ренессансный итальянский город-государство, Сиена не раз вела войны с соседями по прекрасной Тоскане. В самых задиристых и воинственных соседях у Сиены числились два других великих города – кособокая Пиза и надменная Флоренция.

Особенно плохие отношения складывались с последней. Объяснений тому несколько. И вот главное: Сиенская республика в Средние века была самой главной в просвещенной Европе «по деньгам». Сиенские банкиры-толстосумы Салимьени и Толомеи активно снабжали деньгами Папскую курию, императоров Священной Римской империи и французских королей. Сиенский серебряный denaro был самой твердой конвертируемой валютой Европы до тех пор, пока его не сменил золотой флорин, который стали чеканить во Флоренции. В анналах роскошной жизни Сиена также отмечена как поставщик дорогих шерстяных тканей, что тоже не нравилось флорентийцам, которые специализировались на изготовлении золотых украшений.

В результате многочисленных войн Сиена проиграла. Последний удар нанесла эпидемия чумы 1348 года, выкосившая половину города. От этого страшного бича божьего несчастная Сиена так и не оправилась. Потом она прошла через тяготы испанской оккупации войсками Карла V (город, правда, пытался спасти французский маршал по имени Пьетро Строцци – выходец из очень знатной флорентийской семьи, соперницы Медичи). В 1557 году, навеки утратив независимость, Сиена вошла в состав герцогства Тосканского.

Сегодня Сиена – небольшой город, куда проще всего добраться из Флоренции на электричке. Небольшой провинциальный вокзал, который начали строить еще при Муссолини, а закончили уже при «красных бригадах», находится на некотором удалении от исторической части города – придется взять такси и доехать до средневековой крепостной стены с гербом Сиены. От больших парадных ворот длинная улица, вымощенная круглым, затертым до зеркального блеска булыжником, доведет пешехода к самому центру.

По пути к средневековому сердцу Сиены, в трех минутах от площади с кафедральным собором Дуомо-ди-Сиена, и находится главный городской отель – Grand Continental.

Это пышное, с большим фасадным крыльцом здание было построено в XVII веке архитектором Джованни Фонтана для сиенского фамильного банка с серьезным капиталом. Потом это был городской дворец. Более 70 лет назад здесь открыли гранд-отель, который, к сожалению, блистал недолго: здание серьезно пострадало в годы Второй мировой войны – не слишком аккуратно отступали дивизии нацистского маршала Кессельринга. Но в период расцвета итальянской *dolce vita*, в 1950-е годы, отель был возрожден и принимал у себя гурманов и состоятельных туристов. В 2002 году в отеле был построен стеклянный лифт, отреставрированы винные погреба и винный бар (культовые винные места находятся недалеко от Сиены – Монтепульчано на юго-востоке и Монтальчино на юге), а также комнаты для гостей.

О том, что когда-то здесь был банк, напоминает огромное лобби с атриумом – это блистательный парадный холл с расписными потолками, огромными фарфоровыми вазами и портретами печальных дам и угрюмых кавалеров в тяжелых золоченых рамах. Скрипучие лестницы с коврами и позолоченными резными перилами. Стойка ресепшн – три деревянные тумбы с золотым звонком-колокольчиком, – кажется, ничуть не изменилась за последние 200 лет.

В лобби находится ресторан *Sapordivino* с сиенскими специалитетами.

Все номера (их в отеле 51) отличаются, если можно так выразиться, повышенным историзмом – редкий фарфор, бронза, хрустальные бра, ковры, легконогие ореховые столики, гобелены, мрамор и фрески. А количество старых потрескавшихся портретов на стенах буквально зашкаливает: постоянно находишься под чьими-то неусыпными и внимательными взглядами.

Фотографической визитной карточкой *Grand Continental* является вид из окна двухэтажного съюта *San Cristofore* на башню Общественного дворца (Палаццо Публико – *Palazzo Pubblico*). Эта очень храбрая кирпичная башня (башня Манджо – *Torre del Mangio*, названная по прозвищу первого ее звонаря, Обжоры), типичное итальянское проторенессансное строение – истинный символ Сиены, причем не только архитектурный. Башню начали строить в начале XIV века – дело спорилось, в финансировании, несмотря на военные стычки с Флоренцией, не было сбоев. Однако вмешалась чума, и достраивать башню оказалось некому – строительство удалось завершить только через два столетия.

Любоваться кирпичным пиком башни Палаццо Публико (в этом здании заседал Совет Девяти – тираническая управляющая организация сиенских олигархов тех лет, в своем роде сиенская девятибанкирщина, которую позднее сменил Совет Двенадцати, а потом Совет Пятнадцати) можно из окна отеля. А еще из окна *Grand Continental* видны крыши самых старых домов Сиены – на покатых черных крышах с кривыми трубами кипит бурная птичья жизнь. Голуби – днем, летучие мыши – после заката. Из окна можно взглянуть вниз – узкая средневековая улица с уймой крошечных магазинов. На этой улице среди всех магазинов есть и особенный – это большой книжный магазин с черно-белой вывеской «*Feltrinelli*», трагический осколок известной торговой династии из Милана.

Многие из лесопромышленников Фельтринелли прославились в Италии, но всемирно знаменитым стал лишь один – Джанджакомо Фельтринелли. Первый издатель «Доктора Живаго», миллионер, основатель книжной империи своего имени и террористической организации «Красные бригады», этот «красный барон» погиб в 1972 году, закладывая самопальную бомбу под вышку высоковольтной передачи. И сегодня книжный магазин его имени – такой же раритет, как копия портрета Пьетро Строцци, единственного на этом свете флорентийца, позаботившегося о Сиене, – портрет висит в лобби банка, ставшего отелем.

Тосканская сестра Villa d'Este

Villa la Massa, Флоренция, Италия

Екатерина Истомина

В 1998 году президент легендарного гранд-отеля Villa d'Este на озере Комо, знаменитый отельер Жан-Марк Друле, решил, что пришла пора расширить владения. Друле посчитал, что в Ломбардии нет достойного компаньона Villa d'Este, и обратил свой взор на соседнюю Тоскану. Выбор был сделан в пользу известной исторической обители – Villa la Massa, что в южном пригороде Флоренции, местечке Кандели на берегу Арно.

Богатая история Villa la Massa, богатый опыт Друле и полное обновление превратили виллу в роскошный пятизвездный приют, в светское место. В 2000 году отель получил гран-при Andrew Harper's Hideaway Report, а журнал Conde Nast Traveller примечал его даже дважды: в 2003 году включил отель в Gold List Reserve, а в 2001 году назвал одним из двадцати пяти лучших маленьких отелей в мире.

Разумеется, здесь когда-то отдыхал Уинстон Черчилль – на берегу реки Арно он рисовал пейзажи. Надо сказать, что в Европе трудно найти исторический отель, где не ступала бы нога великого политика, где бы не стоял его мольберт. Уинстона Черчилля, потомка первого герцога Мальборо, привлекали не просто красивые места, а именно виллы с длинной, запутанной историей.

История этой виллы берет начало в 1525 году, когда семья тосканских книго-издателей Ландини купила на берегу Арно кусок земли и построила два дома. Ландини управляли поместьем почти 270 лет – в 1788 году вдова последнего Ландини продала собственное семейное гнездо трем братьям Ринуччини. Карло, Джованни и Алессандро из двух маленьких домов выстроили один большой и назвали его La Massa. Перестройкой виллы занимался и сын Алессандро – Пьер-Франческо, он «вооружил» дом четырьмя башнями, построил часовню и расширил парк. В 1826 году поместье купила английская аристократка, продавшая его позднее графине Юлии Бобринской. И вот можно сказать, что Villa la Massa принадлежала и русским аристократам: родоначальник династии Бобринских Алексей был внебрачным сыном Екатерины II от Григория Орлова. Бобринские владели виллой до 1905-го, потом поместье каждое десятилетие переходило из рук в руки, во времена Второй мировой войны вообще пустовало, в 1948-м здесь открыли небольшой отель. В числе первых постояльцев оказался Уинстон Черчилль, который посетил Италию в рамках континентального турне и сделал остановки во многих привлекательных «исторических» местах, в частности – на великолепной вилле Feltrinelli, что на озере Гарда.

Те, кто любит Villa d'Este, непременно полюбит и Villa la Massa – отельная рецептура здесь одинаковая. Сравните: чудесный тенистый парк с оливами, персиковыми деревьями и фирменными тосканскими «геометрическими» кипарисами, туями, тисами. В качестве бонуса от отельера Жан-Марка Друле – большой овощной палисадник, лучшая продукция которого (так же заведено и на Villa d'Este, где тоже процветает огородик) попадает на стол к постояльцам. Шеф тосканского отеля Андреа Гвальярелла четверть века возглавлял кухню Villa d'Este. А здесь, в предместье Флоренции, Андреа Гвальярелла дает такие же уроки кулинарного мастерства, какими славится нынешний шеф-повар Villa d'Este Лучано Паролари на Комо.

Как и Villa d'Este, отель Villa la Massa представляет собой целый комплекс исторических строений. Только если на Комо жилых корпусов два (но зато они очень большие), то на берегах Арно – три виллы. Это Medici, Noble и Vecchio Frantoio (плюс совсем крошечная Villina). Всего в отеле 37 номеров, и ни один не похож на другой, однако все они объединены флорентийским стилем, смесью деревенского удобства и городской вычурности. Нам более других пришлось по душе съюты с террасами в Vecchio Frantoio – с уложенными на потолках деревянными балками и чудными видами на тосканские холмы и Арно. К тому же от Vecchio Frantoio ближе всего идти до главного ресторана виллы.

В реке Арно никто купаться и не думает, и между SPA и обедом мы выбираем отдых в бассейне странной формы – он похож на огромную гитару, наполненную голубой водой, с берегами, отделанными светлыми досками. Конструкция бассейна напоминает о бассейне на Villa d'Este: и там, и там pool area – это «светское место», где собираются вечером для беседы.

Нужно обязательно сказать о великих тосканских винах: продукция винодельческих регионов Тосканы с размахом представлена в местном винном подвале. Этот подвал выглядит как настоящий антик-ресторан – большие столы, глубокие кресла, обитые красным плюшем, свечи в медных подсвечниках, посуда. Ежедневные и ежевечерние винные процессии, дегустации, сопровождаемые закусками и комментариями сомелье.

Главный ресторан отеля носит имя Il Verocchio – гастрономическая обитель названа в честь великого Андреа дель Вероккьо. Меню, разработанное Андреа Гвальярелла, подчеркнуто классическое, его можно было бы даже назвать простоватым, – свежая гусиная печенка с трюфелями, украшенными шпинатом (раздел antipasti), ризотто с креветками и цветками

молодой тыквы, а также классический тосканский бобовый суп (раздел *pasti*), филе рыбы *sole* (она же *dorado*) с артишоками (раздел *pesce*), каре ягненка с картошкой и овощами (раздел *carni*). Не меню, а гастрономический алфавит вкусной и здоровой, пусть и не совсем диетической, пищи, которая позволяет почувствовать истинную плотность Тосканы, чей главный кулинарный символ – пассионарный стейк по-флорентийски. К общему меню прилагается обширный лист тосканских специалитетов, среди которых мы особо отметим набор колбас, филе поросенка, размоченное в кьянти и припудренное черным перцем, а также два супа – «овощной тосканский» и «луковый тосканский». Растрясти богатства тосканской кухни можно, взгромоздившись, например, на коня (рядом с отелем – конная школа) или сыграв в теннис.

А в чем разница (я имею в виду сравнение с *Villa d'Este*)? Просто это не Ломбардия, а Тоскана, вот и все. Здесь не только другое вино и другая еда, но и другой ландшафт. Иной цвет неба и воздуха, другие сочетания света и тени. Принципиально другая атмосфера – в хорошем смысле деревенская, помещичья, очень удобная, это аристократический *casual*, в то время как легендарный отель господина Друле на Комо – это все-таки весьма претенциозное место. Там нужно пробовать себя в танце танго, а вечером носить платье и каблуки, а в Тоскане это необязательно.

Жемчужина «Общества»

Hermitage, Монте-Карло, Монако

Екатерина Истомина

Отель Hermitage – благородная жемчужина La Societe des Bains de Mer («Общество морских купаний»), старейшей курортной организации мира (она была образована в 1863 году), в состав которой входят Hotel de Paris, Monte Carlo Beach Hotel, Hotel Mirabeau, Monte Carlo Bay Hotel & Resort, 30 ресторанов и баров (включая и знаменитую фешенебельную ресторацию Cafe de Paris), клуб Jimmy's, Monte Carlo Golf Club, Monte Carlo Country Club. Более легендарным, чем Hermitage, в Монте-Карло считается только Hotel de Paris, двери которого выходят на площадь перед казино и оперой.

Hermitage позиционирует себя как отель нежный и интимный, располагающий к долгому, беспечному, семейному проживанию (нам кажется, что там останавливается на порядок меньше игроков, чем в Hotel de Paris). Hermitage – роскошный и сентиментальный: в его интерьере всегда преобладали светлые, песочные и голубые тона.

Долгое время все номера Hermitage были похожи на комнаты героинь романов Джейн Остин – здесь царил стиль английского сентиментализма. Поэтому торжественное классическое чаепитие в величавом, со стеклянным куполом лобби Hermitage всегда выглядело совершенно естественной вещью. А ведь неспешное чаепитие – совсем не в стилистике Лазурного Берега, где предпочитают (и джаз-бар Hotel de Paris своим крепким исключением только подтверждает общее правило) коктейли пряные. В номерах Hermitage процветали матерчатые обои в мельчайший лютик и невинную ромашку, им аккомпанировали тонкие панели из светлого дерева, светлая, с начесом обивка мягкой мебели, песочного цвета ковры. Это была сельская радость в пучине гудящего в клаксоны и тонущего в сиренах «Скорой помощи», мчащейся к казино спасать неудачника, Монте-Карло.

Нельзя сказать, чтобы этот милый сельский стиль, обрамленный буржуазной французской эклектикой, всем надоел. Но даже такие колоссы курортной жизни нуждаются в периодической смене стиля, публика требует новшеств. Когда затевали обновление отеля, было

решено, что часть номеров – в крыле Excelsior – будет выполнена в стилистике ар-деко. И вот 54 обновленные комнаты ждут гостей (среди них есть президентские апартаменты со специальной зоной секьюрити; удачными выглядят более скромные номера с эркерами).

Стиль ар-деко близок атмосфере Монте-Карло. Ведь княжество Монако и его столица знали несколько исторических периодов подъема и расцвета светской и курортной жизни. Первый стартовал в эпоху Второй империи, когда в моду вошли курорты – на Атлантическом побережье из рыбацкой деревушки возник Биарриц, каким мы знаем его сейчас. В Монте-Карло построили оперу, открыли казино, там же возникло La Societe des Bains de Mer («Общество морских купаний») и стали строиться отели. Первым оказался Hotel de Paris, над стойкой консьержей которого и сегодня висит парадный портрет императрицы Евгении. Второй период – время светского авангарда, джаза, фокстрота и пляжа – 1920-е годы. В Монте-Карло тогда кипела бурная светская «сладкая» жизнь, и неслучайно, что сегодня один из главных сувениров Лазурного Берега – это леденцы в железной коробке, на крышке которой изображены две девушки в пляжных костюмах эпохи ар-деко и надпись: «Этим летом самые лучшие девушки – на пляжах Монте-Карло».

Номера ар-деко в Excelsior выглядят следующим образом: обивка стен серой фактурной тканью «под рогожку», причем цветочный рисунок сохранен, только стал подчеркнута декоративным. Нарисованные цветы не подражают природе, как это было раньше, теперь они намеренно крупные, большие. Стало больше деревянной лакированной отделки. Появилось больше геометрических предметов – ламп, ваз, торшеров. Изменилась и мебель: вместо нежных позолоченных завитушек – прямые линии с хорошо прорисованной, немного в египетском духе, позолотой. Изменилась и общая палитра – на смену сливочно-бежевой, голубой тональности пришли торжественные ноты серого, темно-коричневого, насыщенно-зеленого, винно-красного.

Сам дух также претерпел изменения – отель в крыле Excelsior стал выглядеть значительно бодрее и спортивнее. Новые номера Hermitage уже успели оценить, причем особы высокопо-

ставленные – нам удалось заметить у главного входа кортеж главы одного важного африканского государства. Консьерж сказал: «Господин глава государства любит у нас останавливаться, он всем всегда доволен, но в этот раз у него появилась просьба – предоставить президентские апартаменты именно в Excelsior». Разумеется, данная задача была выполнена с честью.

Приют усталого игрока

Hotel de Paris, Монте-Карло, Монако

Екатерина Истомина

Hotel de Paris в Монте-Карло недавно исполнилось 140 лет. Этот грандиозный отель-титан, с которого и началась вся история Монте-Карло как города и курорта, мог бы отметить юбилей и четыре, и три, и два года назад. Так как, строго говоря, точной даты его рождения не существует.

В 1863 году всевластный суверен и князь Монако Карл III решил создать Societe des Bains de Mer, общество, которому было поручено строительство курорта Монте-Карло. Первым, что было построено, оказалось казино.

Вторыми на очереди стояли Hotel de Paris и Cafe de Paris (вернее, первоначально эта ресторация называлась Cafe-Divan, смена названий и меню произошла в 1882 году). Карл III справедливо считал, что необходимы места, где игроки казино могли бы переночевать и подкрепиться в перерывах между ставками.

Торжественное открытие новых общественных зданий состоялось уже в 1866 году, однако настоящим сезоном можно считать только 1867 год – тогда молодой игрок растущего рынка гранд-паласов Hotel de Paris испытал дебютный наплыв гостей. И одной из первых прибыла особа венценосная – французская императрица Евгения, законодательница моды той поры. Ее парадный портрет висит над стойкой прекрасно выдрессированных консьержей.

Hotel de Paris давно признан мировым отелем-памятником. В разгар курортного сезона все 187 комнат (57 из них – сьюты) сданы. Главный гастрономический чертог Лазурного Берега – ресторан Louis XV «работы» Алена Дюкасса с мраморным бюстом длинноносого монарха над входом, принимает правильно одетых гостей начиная с 19.00. Верхний ресторан отеля – Le Grill с раздвигающейся крышей, потолок которой расписан дивными звездами, – работает

до последнего клиента. В торжественном зале Empire, примыкающем к ресторану Louis XV, гремят бокалами, ножами и вилками участники корпоративных вечеринок. В третьем отельном ресторане Le Cote Jardin (маленькие столики в кактусовом саду с фонтаном) накрывают завтраки и обеды. В Bar Americain каждый вечер играют очаровательные китайские саксофонистки из Лос-Анджелеса. Бутик Boucheron, один из старейших ювелирных магазинов Лазурного Берега, манит все новыми сокровищами, выставленными в деревянных витринах.

Но самая главная достопримечательность – небольшая конная статуя мушкетера в центральном холле. Правая передняя нога лошади полусогнута и немного выброшена вперед. Копыто отполировано руками тысяч постояльцев. Согласно местному поверью, перед тем как отправиться в казино, нужно обязательно потереть копыто – на счастье.

Жить в Hotel de Paris в разгар сезона – само по себе приключение. Расположение внутренних помещений отеля весьма запутанно, и попасть в свой номер не просто. Приходится долго блуждать по длинным коридорам в надежде встретить того, кто поможет выбраться из этого лабиринта с обоями в нежный цветочек. Естественно, многие постояльцы, особенно из числа игроков, возвращаются ночью из казино навеселе и от отчаяния пытаются забраться переночевать не в свои, а в чужие номера.

Некоторые из них и без того на грани нервного срыва от крупного проигрыша. Один такой господин постучал среди ночи в нашу хрупкую дверь с криком: «Кармен, открой немедленно, это я!» Мы открыли дверь, и человек, искавший Кармен, упал на ковер. Пришлось отпаивать несчастного виски. Выпив и неожиданно придя в себя, игрок рассказал нам, что звал вовсе не Кармен, а некоего Ромена, обещавшего ему денег на очередную ставку.

И такие казусы – не редкость. Ведь Hotel de Paris – отель для бурного ночного отдыха.

SPA в императорском отеле

Hotel du Palais Biarritz, Биарриц, Франция

Геннадий Йозефовичус

Трудно представить себе, что еще 150 лет назад блистательный, словно сцена Мариинского театра, Биарриц был ужасным захолустьем (голодные рыбаки, злые контрабандисты). Словом, это были настоящие задворки Европы.

Но судьба Биаррица решительно изменилась, когда Евгения Мария Игнасия Августина Палафокс де Гусман Портокарреро и Киркпатрик де Платанаса де Монтихо де Теба, венценосная супруга французского императора, с детства любившая эти места, смогла влюбить в них Наполеона III. И тот, следуя рекомендациям возлюбленной супруги, решил построить здесь летнюю императорскую резиденцию. Это был рассвет Биаррица.

В 1855 году вилла «Евгения», выстроенная в рекордные десять месяцев прямо на берегу залива, неподалеку от порта Биаррица, была «сдана в эксплуатацию». Все интерьеры большого особняка в стиле рококо украшали вензеля с буквами N и E, объединенными в одну монаршую монограмму.

Естественно, за правителями в Биарриц потянулся двор. Городок стал спешно застраиваться дворцами, размеры и роскошь убранства которых соответствовали потребностям придворных, министров и военачальников. А Франция была в те времена, если помните, в зените могущества – процветающая экономика, всемирные торговые выставки, мировые премьеры, военные авантюры, дипломатические победы. Париж был центром мира, Биарриц – летней столицей Франции, то есть сезонным центром вселенной. По приглашению Наполеона III Биарриц в эти годы посетили, кажется, все монархи Европы. Кроме тех, конечно, с кем Франция или лично Наполеон III находились в состоянии войны.

Вслед за блистательным двором в Биарриц понаехали модистки, парфюмеры, каретные мастера, повара, прочая обслуга. И хотя в 1870 году Вторая империя закончилась пленением Наполеона III воинственными пруссаками, солнце Биаррица более не закатывалось.

Вилла «Евгения» была продана государством Парижскому банку, расширена и перестроена новыми хозяевами. В 1893 году здесь открылось казино и отель при нем. Десятью годами позже, в 1903 году, здесь случился пожар, но и он не смог уничтожить главную достопримечательность Биаррица. Отель, а он уже назывался Hotel du Palais, только выиграл от очередной перестройки и расширения.

Трудно найти хоть какое-нибудь аристократическое имя, которое не значилось бы в гостевой книге Hotel du Palais. Разве что кто-то просто не хотел быть узнаваемым и приезжал инкогнито. Королева Виктория, Эдуард VII, российская вдовствующая императрица, королева Португалии Амелия, эрцгерцог Виктор де Габсбург, король Швеции Оскар II, австрийская императрица Елизавета, супруга Франца-Иосифа (более известная под именем Сисси), новый правитель Франции президент республики Карно – эти небожители прекрасно себя чувствовали под крышей бывшей резиденции Наполеона и Евгении.

А российский двор! Царский поезд прибывал в Биарриц в октябре (курорт перестал быть исключительно летним), за ним следовали поезда великокняжеских семей: их императорские высочества Константин, Алексей, Владимир, Борис, Кирилл, Андрей, Дмитрий – все они наездами бывали на берегах Бискайского залива. Понятно, что шампанского в те времена в Hotel du Palais было выпито весьма и весьма много.

Впрочем, жизнь Hotel du Palais не была безоблачной. Во время Первой мировой войны здесь развернули госпиталь (весьма комфортабельный), во время Второй мировой – не менее комфортабельный штаб оккупационных войск. Но и после такого временного перепрофили-

рования Hotel du Palais быстро восстанавливался. Помогала постоянная клиентура. Те, кто почувствовал разницу, кто оценил качество местных пляжей, местную кухню, комфорт Hotel du Palais, уже не могли довольствоваться чем-то иным, чем-то меньшим. Ведь в одном отдельно взятом Hotel du Palais этого самого французского – того, что зовется art de vivre, умение жить, – полным-полно и сегодня, бери сколько хочешь.

Кухня отменная (местный шеф Жан-Мари Готье уже давно заслуживает третьей звезды «Мишлен», вот только столиков в его ресторане многовато, да и сам он не сильно страдает без лишнего ордена в петлице). Комнаты просторные и со вкусом декорированные. В баре (кроме шампанского и старых арманьяков) – музыка в исполнении изящной вьетнамской пианистки. Все одно к одному: к океану – пляж, к пляжу – бассейн, к бассейну – новехонькое SPA Guerlain.

Отсутствие SPA было единственным серьезным недостатком, который вменялся Hotel du Palais на протяжении последних лет пятнадцать, то есть всего того времени, в течение которого увлечение SPA из просто прихоти превращалось в сорт религиозного культа. И дирекция даже не оборонялась. Извинялась, но сделать ничего не могла: комплекс отеля был и остается памятником национального масштаба, и никакие перестройки не могли (и не могут) быть сделаны без тысячи согласований и разрешений.

И что, скажете, не мог разве Hotel du Palais довольствоваться каким-нибудь небольшим SPA, встроенным в имеющиеся помещения, в огромные апартаменты имени его величества Альфонса XIII, к примеру? Не мог, что ли, обойтись малой кровью? Небольшими затратами? Видимо, не мог. На то он не просто отель, а Hotel du Palais, отель не какой-нибудь, а дворцовый, императорский, и даже SPA в таком отеле должно быть императорским, а не абы каким.

Наконец пару лет назад все мелкие и крупные вопросы удалось решить, все согласования – получить. В 20 метрах от основного корпуса Hotel du Palais незаметно так, исподтишка вырос новый особняк, в котором и разместилось SPA (не просто SPA даже, а SPA Imperial) и в комплекте с ним – Институт волос, крытый бассейн с банями, зал с тренажерами и еще салон, где подают травяные чаи и самые свежие журналы.

Самое интересное то, что нового особняка многие даже не заметили. Это потому, что флигель был выстроен в тени и в стиле основного здания, выкрашен в его цвета, опознать его в качестве новодела весьма непросто. Вот и не замечает его никто. Будто так и было.

Во флигель попадаешь на лифте, встроенном в торец гостиничного корпуса. Идешь себе по коридору (в халате, естественно, и тапочках, как в санатории каком-нибудь), доходишь до конца коридора, тыкаешь пальцем в кнопку, и через полминуты ты уже в SPA. «Бонжуры» сыплются на тебя со всех сторон, милые девушки старательно пытаются произнести твою фамилию, а потом праздничная суэта сразу заканчивается, и сосредоточенная (но приветливая) дама, вынырнувшая из-за распахнувшихся дверей, ведет тебя на процедуры.

Снова коридор, теперь короткий, снова лифт, снова кнопки, теперь уже с табличками «фитнес», «Институт волос», «SPA» вместо номеров этажей. Дама выбирает за тебя.

На этаже «SPA» – бурлящая ванна в японской комнате, аюрведический массаж в кабинете «Магнолия», потом маска для волос в институте Leonor Greyl (этажом ниже), травяной настой в салоне «Эжени» (еще ниже) и распорядительницы-щебетуньи со своими «бонсуарами» на прощание. Если добавить полчаса-час на тренажерах и бассейн с турецкой баней-хаммамом, то становится понятно, что светлого времени суток на процедуры может не хватить.

Но ведь и это еще не все. SPA здесь носит гордое французское имя Guerlain, и это, как говорится, многое объясняет. Объясняет тому, кто будет ждать вашего возвращения из SPA. Нет, про чек мы не говорим. Про цены и так все понятно, хотя назвать их заоблачными, особенно после цен московских, язык не поворачивается. Цены как цены. А вот время в SPA Guerlain летит как-то особенно незаметно. Ванна – полчаса, массаж – час-полтора, что-нибудь для лица, что-нибудь эдакое, герленовское – еще пара часов, волосы, настои, тренажеры, легкий ланч, бани-бассейны; итого – полноценный рабочий день, восемь, а то и все десять часов,

проведенных в тяжелой и бескомпромиссной борьбе с собой, со своими морщинами, кругами под глазами, с непокорным позвоночником, с начинающими седеть волосами, с ногтями, с плохим настроением, с мышцами и животом, так и норовящим расплыться во что-то бесформенное.

Нет, торчать в SPA целый день совсем не обязательно. Но как приятно!

Одни названия процедур чего стоят! Вот, к примеру, двухчасовая история под названием «Потрясающая императорская орхидея». Спецы из Guerlain обнаружили, что в орхидеях содержатся какие-то такие вещества, которые позволяют лепесткам этого цветка прекрасно выглядеть на протяжении довольно долгого времени. Вы можете вспомнить другой такой цветок, что неделями держится в столь потрясающей форме? Вот и герленовцы не смогли, как ни пытались. В общем, химики-физики решили поставить способности орхидеи на службу человеку и создали притирку под названием Orchidee Imperiale («Императорская орхидея»), а она уже, эта притирка, в свою очередь, дала название двухчасовой процедуре, которая включает массаж Guerlain для лица, а также две маски для лица, шеи и декольте. «Потрясающая императорская орхидея» обещает такие результаты: «Контуры лица становятся четче, текстура кожи уплотняется, разглаживаются морщины, возвращается здоровый цвет лица». Разве за этим не стоит ехать в Биарриц?

А как насчет Le Modelage Guerlain Imperiale? Один перевод на русский чего стоит! Самое близкое значение слова «modelage» – «лепка», поэтому Le Modelage Guerlain Imperial значит что-то вроде «императорская лепка по методу месье Герлена».

Что за Герлен? Известно, что, вернее, кто – Пьер-Франсуа-Паскаль Герлен, парфюмер. Созданный им еще в 1853 году (в этом году, кстати, Евгения Мария Игнасия Августина Палафокс и так далее де Теба стала императрицей Евгенией) аромат Eau de Cologne Imperiale стал основой этой самой «императорской лепки». Нежный, расслабляющий массаж проводится в теплых перчатках. Вас окутывают ароматы апельсина и лимона, бергамота и розмарина. Императорская лепка способствует насыщению кожи кислородом и стимулирует кровообращение. В общем, с помощью произведения Пьера-Франсуа-Паскаля Герлена тело пациента лепят заново. Ароматы возрождают душу, а кремы и притирки воссоздают тело.

Ну и так далее, в том же духе. Или, вернее, в тех же духах – в духах от Guerlain.

Рассказывать об императорском SPA можно долго. Так же долго, как цитировать меню ресторана Hotel du Palais, как рассматривать подписанные фото знаменитостей (от Чарли Чаплина до Фрэнка Синатры) в салоне Eugénie, как нежиться в шезлонге на террасе у бассейна. Остается вопрос: а зачем вообще о чем-то долго рассказывать, тем более о вещах очевидных? Незачем. А ведь Hotel du Palais вообще и каждая его отдельная часть, каждая составляющая – весьма очевидные явления. Очевидно прекрасные. Так чего о них рассказывать? Их видеть надо.

Не надо быть проще!

Hotel Ritz, Париж, Франция

Екатерина Истомина

Этот отель когда-то любила Коко Шанель, а теперь его обожает Донателла Версаче (такова эволюция стиля). Парижский Hotel Ritz – настоящее буржуазное логово. Здесь, в бесконечном лабиринте коридоров, комнат, залов, салонов, галерей и лестниц, отдыхает буржуазный Минотавр.

Чудовище никто не видел, но все чувствуют, что оно здесь. Hotel Ritz – место, которое затягивает человека, как водоворот. Был человек, стоял рядом на reception – бац! – и нет уже его. Пропал. Ушел в буржуазный астрал.

Hotel Ritz – капище. Здесь живут не ради комфорта и не потому, что отель находится на воспетой художниками Вандомской площади (Place Vendome), рядом с главными ювелирными, парфюмерными и т. п. бутиками Boucheron, Van Cleef & Arpels, Breguet, Mauboussin, Chanel и Chaumet и поблизости от улиц Saint Honore и Faubourg St. Honore с гламурными торговыми рядами. Здесь останавливаются не для престижа, который давно выветрился из этого Ritz.

Hotel Ritz – кремлевская стена и мавзолей буржуазии. Здесь присягают на верность тому общественному классу, который словно живет еще на Правом берегу Сены. Если в Париже снова грянет революция, то разбирать на кирпичи будут и Hotel Ritz. И табличку поставят – «Здесь танцуют. Часть восьмая».

Отель предназначен для особых случаев, когда нужно произвести впечатление – в том числе и на самого себя. Здесь процветает гениальное французское хамство, которое выдается за этикет. Будьте готовы к тому, что вас, например, завернут с завтрака. Вы в casual (утром эта форма одежды допускается в Hotel Ritz) робко, но с достоинством приближаетесь к полупустой ресторанной зале с большими окнами и с видом на палисадник. Вас останавливают на входе. Вы готовы назвать номер своей комнаты и пройти дальше.

В то утро девушка в фирменной униформе остановила меня:

– Вы одна или с кем-то?

Я была одна, но видела в зале друзей. И сказала:

– Я одна.

– Тогда подождите здесь, вот здесь у входа, пожалуйста!

– Простите, вот я вижу своих друзей!

– Это хорошо, но мы не можем вас к ним посадить.

– Почему?

– Мы не можем поставить там стул.

– Но почему?

– Если вы так спешите, то я сейчас спрошу про стул.

Она спросила, и ей сказали, что стул там поставить нельзя.

– У меня интервью, мало времени, посадите меня за другой стол, вот есть же свободные.

– Через пять минут, я же просила вас подождать!

У дверей скопилась очередь, а сама зала, наоборот, опустела. Никто из ожидающих не роптал. Все понимали: это же Hotel Ritz! Здесь со многим приходится мириться. Например, с бесконечным напоминанием о том, что за все надо платить. Сколько стоят бирки на халатах и зонтиках?

– Вы можете всем этим пользоваться. Мы можем продать вам эти вещи. Их можно купить в галерее на первом этаже.

Страшно подумать, что будет, если постоялец по рассеянности потеряет зонтик в городе... Как писал Зоценко, «это так каждый гражданин настрижет веревки, полт не нападется». Ей-богу, платить за зонтик в Ritz – это смешно. Стоп: это буржуазно!

Номера в Hotel Ritz (отель входит в список The Leading Hotels of the World) разные. Есть с золотой лепниной, с зеркалами, 15 люстрами и сизым гобеленом. Номер человеческий. Потому что можно найти милые трещинки в стенах, царапины на шкафах, затертые до блеска выключатели. Плюс таких номеров заключается в том, что они довольно быстро обживаются. Даже мраморная ванна с кранами в виде шеи лебедя уже через день перестает казаться саркофагом из Британского музея.

В Hotel Ritz есть съюты с джакузи и сауной, съюты в современном стиле (где вместо лепнины – деревянные рейки). Есть и очаровательные «мансардные» номера – с покатой крышей и репродукциями Модильяни на стенах. Есть и бутики, и часовые стенды, и бары, и SPA, и фитнес-центр, и бассейн, окруженный колоннами. И даже своя сторожевая собака. Это ротвейлер, который сидит при входе, закинув одну лапу на другую (как редактриса модного журнала). Пес охраняет отель от наркоторговцев, экстремистов и оружия. От современности, короче.

И еще один момент. Перед тем как воспользоваться мини-баром, найдите меню с ценами, оно болтается где-то в номере (не в мини-баре). Потому что, отхлебнув безобидную минералку или сок пару раз за день, вы при check out получите счет. Когда вы заглянете в него, вам покажется, что вы купили туфли Prada и сами того не заметили.

Но все это мелочи. Hotel Ritz – культурологический феномен, который нельзя опорочить или отменить. И опыт проживания здесь важен – в экзистенциальном плане. Остановившись в Hotel Ritz, вы сразу поймете, принимаете вы правила этой игры или нет. Hotel Ritz станет вашим любимым отелем в Париже, если вас всегда бесила фраза «Надо быть проще».

Всё, как при Шанель

Le Bristol, Париж, Франция

Екатерина Истомина

Отель Le Bristol (открыт в 1925 году) расположен на самой модной и дорогой улице Парижа – Faubourg St. Honore. Постояльцам легко заниматься шопингом. Однако Le Bristol предлагает клиентам особую услугу – the (the – не английский артикль, а «чай» по-французски) de la mode, то есть «модный чай».

Почти каждую субботу в большом баре Le Bristol проходит небольшой показ модной одежды, сопровождаемый чаепитием.

В камерных показах участвуют не длинноногие модели с подиумов, а друзья или коллеги кутюрье, то есть люди «обычных» размеров. Клиенты, пришедшие на показ, могут и сами поучаствовать в дефиле: «манекенщицу» можно попросить остановиться, подойти поближе, чтобы, например, лучше рассмотреть ткань или детали кроя. Консультанты расскажут, есть ли, к примеру, юбка к этому пиджаку или только брюки, можно ли купить именно эту модель, но в другом цвете, какие предлагаются аксессуары и так далее.

Знатоки вспомнят, что именно так проходили показы моделей Коко Шанель, которые она проводила в ателье на rue Cambon. Клиентки приходили к Шанель не просто на показ, а как бы в гости. Компания пила чай, кофе, пробовала десерты, а манекенщицы под руководством самой Мадемуазель демонстрировали публике одежду и аксессуары.

Le Bristol организует показы совместно с бутиками, расположенными по соседству, поэтому сразу после показа можно отправиться в магазин и купить приглянувшуюся вещь. Если нужно, то в этот вечер бутик будет открыт допоздна – для клиентов отеля. Если дизайнер не имеет бутика на самой модной улице Парижа, то клиенту предоставляется возможность посетить show room в одном из салонов отеля.

Даже если клиентка ничего не присмотрит и не купит во время the de la mode, то все равно впечатления от этого небольшого модного шоу запомнятся надолго. Ведь это не просто показ

или вечер, а своего рода чайная церемония. Те, кто уже побывал на модных субботах, говорят, что перед дефиле не стоит устраивать плотный ланч. Потому что на the de la mode подаются особые десерты, которые специально для каждого показа готовит шеф-кондитер отеля господин Жиль Маршал.

Десерты носят название той марки, которая в этот вечер представляет в Le Bristol свою одежду. Жиль Маршал подходит к приготовлению десертов очень ответственно. Накануне дефиле он знакомится с коллекцией, с цветовой гаммой и тканями.

Кстати, на «модный чай» в Le Bristol может прийти не только клиент отеля. Нужно лишь заранее заказать столик, иначе может не хватить места. Это касается и клиентов отеля, поэтому, договариваясь о номере, попросите туристическое агентство забронировать также столик для the de la mode. Начало показа в 15.30. Проживание в Le Bristol – от € 600 за двухместный номер. Стоимость места за столиком «модного чая» – € 40. В эту цену входят чай или кофе, сэндвичи, сласти и «дизайнерский» десерт.

В Le Bristol – 175 комнат, из них 48 сьютов, в том числе три «президентских». Отдельного упоминания заслуживают сьюты «Терраса», названный в честь обширной террасы площадью 120 кв. м, и «Панорамный». Последний представляет собой апартаменты общей площадью 200 кв. м с салоном, двумя спальными комнатами, тренажерным залом и небольшой кухней. Сьют находится на последнем этаже. Из окон открывается панорамный вид на Париж.

Le Bristol славится также особой памятью горничных. Иногда, покидая отель, гости забывают в отеле свои вещи. Вернувшись через несколько недель, месяцев или даже лет, они найдут забытые предметы в том же номере и на том же месте. Это касается любых мелочей: книга, открытая на недочитанной странице, пачка сигарет и т. д. Секрет такой памяти, достойной Шерлока Холмса, имеет простое объяснение: горничные фотографируют номер после отъезда гостя.

Ресторан отеля имеет две звезды «Мишлен». Если вы не найдете в меню то, что вам нужно, то его шеф Эрик Фрешон приготовит для вас все, что угодно, даже русский борщ. В винных погребах хранятся 30 тыс. бутылок спиртного более тысячи наименований. Запасы включают и коньяки 75-летней выдержки, шампанское 1865 года, Chateau Petrus 1959 года, Mouton Rotschild. Сомелье в Le Bristol – только очень привлекательные молодые женщины.

Для занятий спортом в Le Bristol работает крытый бассейн с панорамным видом на город, фитнес-центр, сауна, паровая баня, массажные кабинеты. Плюс салон красоты Anne Semonin (косметические услуги, восстановление биоритмов организма, различные виды массажа, шиацу). Кстати, при недавнем ремонте особое внимание в Le Bristol было уделено ванным комнатам, которые признаны сегодня самыми большими ванными комнатами в отелях Парижа.

Весной и летом вы сможете в полной мере оценить местный сад с азалиями и рододендронами, пение птиц, а также фонтан с амурами. Кстати, в Le Bristol вам не потребуется будильник. Постояльцы отеля просыпаются от чириканья и пения птиц в саду. В нем живут: черный дрозд, крапивник малый, синица угольная и синица голубая, зеленушка европейская, трясогузка серая и трясогузка ручейная, горлица турецкая, скворец, сорока болтливая, черная ворона, галка, ласточка деревенская и ласточка оконная, стриж черный, сова, сокол крикливый, зяблик, чайка смешливая, утка дикая, мухоловка серая, певчий дрозд, малиновка обыкновенная, сойка дубовая, королек трехполосный и вьюрок. Вот такая компания.

Консьержа отеля зовут Вольф Ганзель, к нему можно обращаться в том случае, если вам что-нибудь понадобится, например билет в оперу или автомобиль редкой модели.

Памяти барона Османна

Le Fouquet's Barriere, Париж, Франция

Екатерина Истомина

Le Fouquet's Barriere, новый парижский отель класса palace, расположен на углу Елисейских Полей и авеню Георга V (Champs-Elysees и Avenue George V), в доме номер 46.

Прямо напротив входа в отель – многоэтажный магазин Louis Vuitton, открытый к 150-летию дома, а по диагонали – два престижных отеля, знаменитый Four Seasons Hotel George V и менее раскрученный Prince de Galles.

Открытие Le Fouquet's Barriere, которое состоялось 6 ноября 2006 года, стало событием для Парижа – об этом написало большинство цветных приложений к французским централь-

ным газетам. Удивительное дело, но отелей, тем более такого уровня, как Le Fouquet's Barriere, в Париже – советский дефицит. В городе стало невозможно поселиться в достойной гостинице без «особого звонка» нужному человеку. «Fully booking – мест нет» – будет вам ответ, если вы позвоните банально в отдел бронирования. Отель Le Fouquet's Barriere не стал исключением – он забронирован по самую крышу. Попробовать новое заведение по горячим следам стремятся все любители Парижа, а их – миллионы в мире. К тому же одно только магическое имя – Жак Гарсиа – способно сотворить чудеса и привлечь еще более пристальное внимание к отелю.

Жак Гарсиа, знаменитый декоратор, работавший над интерьерами Le Fouquet's Barriere, – это главная приманка отеля. Отметим, что гостиница принадлежит французской отельной группе Lucien Barriere, которая владеет «паласами» во многих французских курортах, включая Довилль и Канн (например, каннский отель группы «Мажестик»).

Действительно, Жак Гарсиа – это один из самых раскрученных декораторов-отельеров. Именно ему принадлежит концепция относительно нового, но уже давно fully booking отеля Costes, что на улице Faubourg St. Honore (впрочем, еще один Costes, что рядом с улицей Виктора Гюго, разгрузил Costes-1). Именно Жаку Гарсиа доверили изменение стиля La Mamounia в Марракеше, легендарного отеля ар-деко, построенного именно в эпоху ар-деко и служившего декорацией к фильмам Хичкока. Жака Гарсиа допустили на чердак венского гранд-отеля Sacher – ему было поручено сделать номера верхних этажей. Отель La Reserve под Женевой, популярнейшее на берегу Лемана место (как отель, как комплекс SPA, как клуб), – тоже плод творческой бессонницы месье Гарсиа.

Гарсиа любят и парижане – посмотрите, кто сидит в забитом ресторане Costes на Faubourg St. Honore. Здесь не только богатые русские. Здесь масса самых богатых французских бездельников, а иногда и истинных легенд – здесь мы видели живого Ива Сен-Лорана. В Costes-1 Жака Гарсиа приходят завтракать и обедать высокопоставленные сотрудники заведений на Вандомской площади.

«Прекрасные фасады в духе барона Османна, высоченные потолки, строгость и сумрачность истинного большого люкса – все это уместилось на 16 тыс. кв. м и обошлось в 50 млн евро» – так восхищается новым отелем автор одной уважаемой французской газеты, добавляя, что «в этом паласе денег совсем не считают». Вот именно так и не считали денег на обустройство Парижа Наполеон III и его парижский префект барон Османн.

Имя Османна хорошо известно не только парижанам, но и всем приезжим – ведь несколько больших магазинов, *grandes magasins*, Парижа стоят на бульваре его имени. Один из колоритнейших вельмож Второй империи имеет некоторое отношение и к *Le Fouquet's Barriere*. Барон Османн стал в некотором роде творческим медиумом, к которому через годы, через расстояния обратился наш современник Жак Гарсиа.

На самом деле ничего нового Жак Гарсиа для *Le Fouquet's Barriere* не придумал. В отеле нашел отражение его любимый, сумрачный и пышноватый, с раздутыми щеками стиль, который он использовал для первого отеля *Costes*, однако в другой цветовой гамме и более облегченный. Истоки его лежат в стиле, который сами парижане называют «*haussmannienne*», или «стиль Османна». Стиль Османна – это гораздо больше, чем очередное архитектурное направление, это огромная и важнейшая глава в истории города.

Париж, который достался Наполеону III, несмотря на все попытки предыдущих монархов – от Генриха IV и Людовика XIV до Наполеона Бонапарта, – оставался глубоко средневековым городом. Узкие кривые улицы, вонь, нечистоты, грязь, бездорожье, болезни, отсутствие транспортных развязок, нормальных водопровода и канализации. «А таким ли должен быть главный прогрессивный город Европы?» – спросил Наполеон III своего префекта. Париж умирал и умер бы, если бы не Османн, который перекроил карту города жестоко и кардинально.

Собственно, тот самый нынешний центр Парижа с большими и высокими зданиями в железных балкончиках и завитушках, с внятыми магистралями, более-менее прямыми улицами, большими площадями – это и есть «стиль Османна». Елисейские Поля, все центральные авеню – Монтень, Георга V, Франциска I, Виктора Гюго, многочисленных Фобуров плюс все набережные и большинство нынешних мостов, большинство центральных кладбищ, здание Трокадеро, улицы вокруг Оперы, вокзалы, кольцо бульваров – это дело рук барона Османна. И вот спустя годы появляется отель *Le Fouquet's Barriere* – это «оммаж» барону-градостроителю.

Это остромодный дворец. Это броский «палас», предназначенный в первую очередь для тех, кто любит выделяться, кто носит Dior, Louis Vuitton и Dolce & Gabbana. Белый фасад в духе *belle époque*. Большой, с высокими потолками, сверкающий от миллиарда хрустальных подвесок люстр холл. Подвески дают не только рассеянный, несколько оперный свет, но и тихую музыку – от потоков воздуха хрустальные капли бьются друг о друга. Белые цветы.

Пол из белого мрамора. Свечи с ароматами. Обитые состаренной золотой тканью стены. Там, где стены не обиты тканью, – большие панели гладкого дорогого черного дерева. Шитые золотом эпoletы и аксельбанты на черных мундирах швейцаров. Странные, секретные лестницы, закрытые шелковыми, бархатными, габардиновыми портьерами, – Гарсиа очень любит такие тяжеловесные, театральные шторы.

На reception desk сразу же попросите, чтобы вам в отеле предоставили личного камердинера или мажордома – пусть он занимается обустройством вашего съюта, а вы пока отправляйтесь в бар Le Lucien. Бары и рестораны – это те общественные помещения, которые удаются Жаку Гарсиа больше всего, гораздо лучше, чем жилые. Кроме бара Le Lucien, в отеле есть два ресторана – Le Diane и La Galerie Joy.

Всего в отеле 107 номеров, из них – 40 съютов. Интерьеры нельзя назвать перегруженными, но они насыщенные – без этой будуарной куртизанской тематики Жак Гарсиа немислим. Стиль комнат и коридоров Le Fouquet's Barriere можно охарактеризовать как стиль Второй империи с неожиданными ультрамодными интонациями 1960-х – словно по всем традиционным завитушкам и загогулинам кто-то прошелся горячим утюгом, снабженным функцией отпаривания. Привлекают внимание «стеганые» стены (хоть какая-нибудь стена в номере обязательно стеганая), обитые той же золотой тканью. Такие стены напоминают о футуристической стилистике Кардена, Куррежа, Рабанна. Мебель с линиями, характерными для стиля бидермейер, но тоже вся «выглаженная», распрямленная.

Более 500 кв. м отведено под самый главный президентский номер отеля (цена за сутки – € 8500). Конечно, он с видом на «весь Париж» – других «президентских» номеров в этом городе просто не существует. Гостиная, спальня, терраса, отдельная кухня, комнаты для прислуги, бархат, шелк, дорогие дерево, мебель. И все здесь очень дорогое. Намеренно дорогое. Блестяще дорогое. Сверхдорогое. Во всем великолепии больше стилизованности, нежели обычного буржуазного уюта, но винить в отсутствии уюта создателей отеля нельзя – «палас» совсем еще свежий. И про парижский Ritz некогда говорили, что это, мол, туристический новодел для богатых американцев. Только сейчас тот новодельный Ritz почитают за самый настоящий парижский историзм.

Сюр по-королевски

Le Meurice, Париж, Франция

Екатерина Истомина, Юлия Пешкова

Le Meurice – парижский гранд-отель, который любил Сальвадор Дали. Как сообщает в своих мемуарах Аманда Лир, любимая подруга сюрреалиста, когда Дали приезжал в Париж, он останавливался только в Le Meurice. Есть и масса черно-белых фотографий 1960–1970-х годов, подтверждающих безумства Дали, Аманды и всей пестрой сюрреалистской компании в апартаментах художника на втором этаже. Сальвадор Дали – человек, сюрреалист, глазами которого стоит посмотреть на Le Meurice, отель, в котором нет ничего сюрреалистического. Это классический французский гранд-отель, который можно назвать самым монархическим отелем Парижа.

Во-первых, из всех гранд-отелей Парижа Le Meurice стоит ближе всего к Лувру – в самом начале улицы Риволи (rue Rivoli). Фасад отеля, скрытый в каменной галерее, смотрит на кованые решетки садов Тюильри. Во-вторых, Le Meurice – это самый испанистый гранд-отель Парижа. Недаром в 1930-х годах здесь неоднократно останавливался испанский король Альфонс XIII – интерьеры Le Meurice напоминали ему интерьеры Королевского дворца в Мадриде. Король не просто останавливался в отеле, а жил в нем подолгу: по сути дела, Альфонс XIII, бежавший из Испании в 1931 году, устроил в Le Meurice свою королевскую резиденцию.

Собственно, интерес Дали к этому отелю связан именно с королевским обстоятельством. Ведь он был роялистом и обожал все, что связано с испанской короной. Приезжая в Барселону, он останавливался только в местном Ritz, где до него проживал Альфонс XIII. В Le Meurice Дали выбирал те же номера, где до него ступала нога короля, и говорил, что, восседая на толчке в туалете, он практически делит с Альфонсом XIII его несуществующий трон. Идея знаменитой книги Дали «Искусство пука, или Руководство для артиллериста исподтишка» родилась именно здесь, в Le Meurice.

Интерьеры Le Meurice, который недавно пережил грандиозную реставрацию, напоминают о Королевском дворце в Мадриде. Здесь царит жаркий помпезный мадридский дух, который немного охлаждает ледяная французская геометрия садов Тюильри. Le Meurice невероятно жарок изнутри. Он горит и пышет – золотыми барельефами и многометровыми мозаичными панно на потолках и стенах, многотонными хрустальными люстрами с миллионами осколков-подвесок, многоярусным пальмовым садом в лобби, который словно приехал с Коста-дель-Соль. Le Meurice – даже в большей степени мадридский, чем мадридский Ritz, в котором испанская составляющая – часть самой структуры, а не развернутая декорация.

Испанский королевский дух в Le Meurice затрагивает не только общественные территории – фойе, лобби, ресторан, огромный зал для завтраков. Например, обычная ванная комната в номере может быть прочитана как истинный французский будуар. В пользу этого свидетельствуют отдельный столик-трюмо для косметических процедур и ванна на ножках, стоящая посреди комнаты. Но столики-трюмо со старыми зеркалами, на шатких закрученных ножках

– это и испанский штрих. Как и ванна, в которую вполне укладывается герцогиня Альба, по легенде, позировавшая Франсиско Гойе для «Махи обнаженной».

Сальвадор Дали всегда выбирал в Le Meurice апартаменты Альфонса XIII, расположенные на втором этаже, с видом на Тюильри. Тот, кто захочет здесь поселиться, надеясь увидеть в гостиной диван «Мэй Уэст» или «расплавленные» часы на стене, может не рассчитывать на дешевый сюрреалистский шик. От Дали в этих апартаментах нет ничего. Дали не сопротивлялся истории. Он покорно, смиренно, как верный подданный, растворялся в огромных комнатах, следующих одна за другой, просторных, пустынных, с одинокими канапе и низкими креслами, обитыми красным плюшем и золотой тесьмой. Здесь разворачивались безумства Дали, его карнавалы, ужины с омарами и ванны, полные розового шампанского. Но это была псевдокоролевская вакханалия со свитой из подозрительных поклонников. Это была только поза.

Вид на Тюильри любого, даже Дали, заставит быть дисциплинированным и даже жестким. Здесь чувствуются сонмы монархических чудовищ, призраки королей, убитых, отравленных, королев, влюбленных и обезглавленных. Le Meurice, столь близкий к Лувру, – это и романы Дюма и Мориса Дрюона, и «Королева Марго» Патриса Шеро с Изабель Аджани, держащей на коленях отрубленную голову возлюбленного. «Главное, чтобы была улыбка на устах», – говорила эта королева, разглаживая мертвые волосы де Ла Моля. Вот именно – только горькая с солью улыбка, кровавые тени, закатные блики Парижа до Великой буржуазной революции. Le Meurice – это добуржуазная история столицы Франции.

Сегодняшним туристам кажется, что исторический Париж – это импрессионисты, парижская богема конца XIX века, art nouveau, ар-деко, кухня с устрицами, сумки «Биркин», пламенный Сартр и косой берет Сони Рикель. Но из Le Meurice виден другой, настоящий и реальный, древний город, место королевских плах и публичных казней, место, еще не затронутое милыми буржуазными прелестями. А Тюильри из окон Le Meurice не кажется импрессионистской картинкой, палисадником для семейных прогулок – цветы, парочки голубей, залитые теп-

лым светом песчаные дорожки. Тюльри из окон Le Meurice – это военный плац или арена для корриды.

Не стоит, конечно, воспринимать Le Meurice как старый, выживший из ума замок с привидениями. Le Meurice – это историческое светское место. Пухлые любовницы Наполеона III нежались на шелковых простынях, ожидая своего возлюбленного. Бесчисленные принцы Италии, Британии, Бельгии, Болгарии и Дании, шейхи Персии, беи Туниса жили здесь строгой и дисциплинированной жизнью преданных выдающемуся жилищу постояльцев. Их примеру следовали президент Рузвельт, Киплинг, Ростан и д'Аннунцио.

Президентские апартаменты расположены почти на крыше отеля. Человек, который живет в них, принимает парад у всего Парижа. Достаточно выйти на балкон, где любят устраивать частные вечеринки Доменико Дольче и Стефано Габбана. Париж – у ног, он – на ладони, он преданно и льстиво лижет руку своему господину.

Смотрите вперед: Тюльри, Лувр, справа – обелиск на площади Согласия (Place de la Concorde). Смотрите дальше, через Сену, – вот он, купол Инвалидов. Обернитесь: сзади совсем зеленая Вандомская колонна, за ней – Опера и торговые высотки, выстроенные парижским префектом Османном.

Рестораном Le Meurice руководит шеф-повар Янник Аллено, восходящая звезда французской кухни. Мсье Аллено, которому нет и 30, готовит и русские блюда – борщ с пирогами, балтийскую сельдь, охотничье каре косули, маринованную капусту с брусникой, специальное меню из волжской икры, а на десерт – вареники. В ресторане подают 40 сортов водки. Русские в Париже – это важная часть самого Парижа. Выпьем за это. Не вина, а водки.

Прошлое Le Meurice, конечно, богаче его настоящего. Настоящее – что с него возьмешь, когда за стенами и в стенах такая история? Все те же президенты, все те же звезды, извечные шумные постояльцы.

* * *

Полгода назад генеральный менеджер Le Meurice Франка Олтманн зашла с инспекцией в гостиничный ресторан. Зал, как и каждый вечер, был полон (еще бы, три звезды «Мишлен»!). Но в нем не было ни одного человека, которому можно было бы дать меньше сорока. Надо что-то делать, подумала Франка. И позвонила своему другу Филиппу Старку. Тот не растерялся и переделал весь первый этаж отеля таким образом, чтобы он привлекал не только пожилых постояльцев, но и молодых парижан.

Отель Le Meurice поселился на улице Риволи в 1835 году, и хотя с тех пор его неоднократно обновляли (последняя реконструкция прошла всего несколько лет назад), он сохранил дух классического паласа. Особенно это касалось общественной зоны – первого этажа с лобби, двумя ресторанами и баром. Ей настойчиво не хватало света, свежести, оригинальности, чего-то, что цепляло бы взгляд и развлекало во время ожидания ужина от Янника Аллено.

Филипп Старк считается большим специалистом по освоению старинных интерьеров. Рецепт его известен. Серьезных переделок не совершать, стены не двигать, полы не перекладывать. Кирпичную кладку по возможности обнажить. Наставить разнокалиберной мебели – преимущественно собственного дизайна, торшеров побольше и хрустальных люстр. Подклю-

чить современные технологии. И главное, накидать повсюду странных намеков и знаков, способных надолго озадачить неподготовленного зрителя.

С интерьером Le Meurice Старк был еще более деликатен, чем обычно. Никакой хирургии, исключительно омолаживающий пилинг и бодрый make up. Перемены коснулись только мебели, ковров, штор и предметов искусства. Зато уж они сменились на сто процентов. В их выборе участвовали Старк с командой, служащие отеля и заочно Сальвадор Дали.

Тон задают reception и маленький холл. Через стеклянную колбу с хрустальной люстрой внутри вы попадаете в лобби. Не пытайтесь смотреть в зеркало – оно сделано из льда и меняется каждый день. Лучше нацарапайте на нем рисунок или надпись, для этого оно и существует. Два сросшихся, как сиамские близнецы, кресла (дизайн Старка) приглашают к беседе на двоих. В каминной зоне камин заменяет стеклянная витрина с множеством маленьких зеркал и зажженными свечами. Ее окружает странная разнокалиберная мебель: керамические кубы-столики, покрытая рисунками черно-белая мебель Fornasetti, кресла с подлокотниками-крыльями в духе Дали и т. п.

Авторские предметы сюрреалиста разместились в одном из двух ресторанов отеля (не в том, который с тремя звездами, а в другом – под названием Dali). Несколько лет назад мебель по эскизам Дали была выпущена испанской маркой BD Barcelona. Старк отобрал кресла с подлокотниками в виде рук, столики на ножках, обутом в туфельки, и лампы с основанием, похожим на кости. Компанию им составило очень странное посеребренное кресло в виде раковины от Anthologie Quartett. Остальная мебель в этом ресторане – смесь антикварной и сделанной по эскизам Старка.

В гастрономическом ресторане Le Meurice Старк полностью сменил цветовую гамму – с темно-пестрой на сливочно-серебристую. В этих тонах выдержаны портьеры, скатерти, мебель и ковер, повторяющий рисунок мозаичного пола. По просьбе команды ресторана и Янника Аллено Старк разработал две зеркальные, открытые публике, комнаты – одну для хранения и дегустации вина и другую – сервировочную между кухней и залом.

Произведения искусства, по идее Старка, должны были играть заметную роль в интерьере, вдохновленном художником. Но не готовые, уже существующие, а созданные специально для Le Meurice и преподнесенные необычным образом. На потолке в холле возникла картина, изображающая женскую руку. В центре ресторана Le Meurice водрузили скульптуру Vassarat, придуманную Старком: что-то вроде грядки с растущими кристаллами. Но самое главное – огромный холст на потолке ресторана Dali. Художник на роль создателя холста был выбран якобы следующим образом: Старку показали несколько работ, не называя имен, и он ткнул пальцем в одну из картин. Автором совершенно случайно оказалась его родная дочь Ара. Художница совершенно не имела в виду Дали и нарисовала нечто в своем собственном стиле. Некоторым зрителям ее парящие под потолком фигуры кажутся мрачными, другие их трактуют как ангелов. В любом случае получилось необычно.

Вроде бы сделано не так много, но искомый результат достигнут.

Интерьер помолодел и сменил характер, на месте рассеянного интеллигента появился подтянутый денди, да еще и с фантазией.

Дальше первого этажа Старка не пустили – задачи такой не было. Тем, кто останавливается в Le Meurice, не нужны столики с женскими ногами и двери-обманки, которые никуда не ведут.

Уютная классическая роскошь, которую предлагает отель, их вполне устраивает. Провести в дизайне «от Старка» пару часов занятно, но жить с ним – это уже лишнее.

Стояние на Рейне

Les Trois Rois, Базель, Швейцария

Екатерина Истомина

Открывшийся в конце марта 2006 года в Базеле исторический гранд-отель Les Trois Rois, грозно нависающий над Рейном, строили больше двух лет. За постройкой (вернее, за тотальной перепланировкой и ремонтом) в задумчивости наблюдал весь город, поскольку отель (еще год назад он назывался на немецкий манер – Drei Koёnige) обещал стать не меньшей достопримечательностью, нежели краснокирпичное, расписное здание ратуши с готическими часами, кафедральный собор или комплекс рыночной площади.

Городские жители говорят, что фундамент Les Trois Rois был заложен еще в конце X века при Конраде II, но точных свидетельств тому город не сохранил.

Les Trois Rois – это древнее городское здание на левом берегу Рейна. Здание перестраивалось несметное число раз, но в нем до сих пор есть что-то от толстостенной и приземистой романской постройки со скупым декором, а то и с его отсутствием. Это и неудивительно: Базель – один из самых заскоружных городов не только Швейцарии, но и всей Западной Европы (правда, в состав Конфедерации Базель вошел довольно поздно – лишь в 1501 году).

Последний раз здание Les Trois Rois радикальным образом перестраивалось в процессе генерального плана застройки Базеля 1763 года. Тогда из богатого дома, разделенного на несколько частей, сделали гостиницу с большим винным погребом (он есть и в обновленной гостинице) и модной, почти университетской библиотекой, в которой можно было заказать новинки – «Общественный договор» и «Новую Элоизу» Жан-Жака Руссо, «Гамбургскую драматургию» Лессинга, книги Канта, Фихте и, разумеется, Гете и Гейне. Позднее гостиничная библиотека пополнилась переведенными на немецкий стихотворениями Жуковского (в город автор привез их лично в 1833 году). Потрепанные книги из исторической библиотеки есть и в библиотеке Les Trois Rois, а цитаты из великих немцев выбиты золотом на стенах наваристой готической вязью. В любом другом месте эти «мысли в золоте» выглядели бы чудовищно, но только не в Базеле. В этом городе вообще «много ума», недаром здесь, кроме 30 музеев, находится самый старый в Швейцарии университет, в котором преподавал молодой Ницше (многие критики всю жизнь так и называли философа – «базельский профессор»).

Les Trois Rois правильнее назвать не отелем, а именно исторической гостиницей, в которой можно остановиться, например, на выходные, если вы путешествуете по Швейцарии или плывете на пароходе из Германии по Рейну. Les Trois Rois – это единственная гостиница в Базеле, которая действительно имеет стопроцентный статус «гранд» (большие приюты отдельных цепочек вроде «стекляшки» отеля Ramada мы в расчет не берем).

Les Trois Rois – место с атмосферой, это словно стоящий на приколе старый пароход. С балконов номеров и большого салона, как с палубы, открываются исторические скалистые берега Рейна, больше похожие на край пропасти. Здесь нет бюргерских сантиментов вроде цветочков, кадок, кружевных салфеточек. Сентиментальность в принципе не свойственна Базелю. Недаром много путешествовавший по Швейцарии Карамзин не любил этот город, хотя высоко

ценил местную университетскую библиотеку, где хранились 80 рукописей самого Эразма Роттердамского.

Сейчас в Les Trois Rois 101 номер, и все лучшие сюты выходят окнами на Рейн. Самый парадный сют называется Napoleon. Этот номер является репликой парадного номера Наполеона Бонапарта, в котором первый консул останавливался в 1797 году – в Les Trois Rois (тогда гостиница называлась Drei Könige). Уцелели отреставрированные ныне до блеска фрески на потолке (они и до Наполеона были древностью, так как были созданы в 1681 году). Здесь антикварная мебель, золото. Из окон открывается почти панорамный вид на Рейн. Другие сюты (второй из двух главных называется Les Trois Rois) отличаются претензией на историзм – это сплав обуржуазившегося ампира и ар-деко.

В отеле три ресторана. Первый называется Cheval Blanc («Белая лошадь», и это – одно из самых распространенных названий «народных» ресторанов Швейцарии) и предназначен для больших парадных обедов. Второй – брассери Les Trois Rois (завтраки и церемония чая), а третий – итальянский «У Донати», названный в честь знаменитого шефа 1950-х годов Маклио Донати, работавшего в Базеле и популяризовавшего здесь кухню Пьемонта.

Рейн в Базеле течет невероятно быстро, и брошенная щепка исчезнет в водах за пять секунд, а вот Les Trois Rois стоит себе здесь на вечном приколе – гостиничный пароход времени.

Артистический пейзаж

Hotel des Trois Couronnes, Веве, Швейцария

Екатерина Истомина

Кому понравится, если пограничник, пусть даже и швейцарский, вдруг начинает допрашивать: «Нет, вы скажите, а куда едете?» Я с перепугу сказала: «Я еду в Веве». А *veuve* (звучит как «вев») по-французски значит «вдова». Пограничник, довольный игрой слов, улыбнулся: «А-а, вы едете в Веве!»

От Женевы до Веве (Vevey) – час езды на машине. Городок находится на Лемане, между Лозанной и Монтре. От Лозанны – 20 минут, а до Монтре – 15. Прелесть Веве заключается в том, что это, пусть и маленький, но все-таки город, в котором можно провести два выходных дня. Остаться дольше мы не рекомендуем: можно заскучать. Веве в качестве остановки подойдет и для тех, кто путешествует по Леману на яхте, двигаясь вверх от Женевы к Монтре.

Веве – это не деловая Женева, где есть Palexro, где банки и магазины с часами. И не вздорная интеллектуальная Лозанна, заклеенная театральными афишами, увешанная флагами Олимпийского комитета. Но Веве и не швейцарская деревня с коровами и виноградниками, а самый настоящий городок – с большой и широкой набережной и несколькими соборами, среди которых есть и православная церковь.

Здесь доживал век на своей вилле Чарли Чаплин – на набережной Веве великому артисту поставлен бронзовый памятник. Здесь расположен центральный офис Nestle, и жители Веве гордятся этим. Здесь по утрам шумит жизнь, на улицах – много людей (а по набережной и вовсе бегают – моцион!). Люди спешат в аптеки и магазины – булочные, овощные, мясные и рыбные лавки. Жители Веве особенные, о чем свидетельствует отсутствие в городе граффити. А в соседней Лозанне, где есть университет и солидное книжное издательство, выпускающее умнейшие книжки, граффити есть почти везде – от станций нелепого наземного метро до пиццерий и банков.

Веве – провинциальный швейцарский городишко, как нельзя лучше приспособленный для тех, кто желает бесцельно бродить по мокрой набережной с платанами и смотреть на лебедей, коричневых, белых и черных, которые по утрам летают над Леманом наперегонки с утками. Но утки, конечно, шустрее. Они легко обгоняют лебедей, поднимаясь выше и выше, пока лебеди грузно хлопают над водой своими толстыми крыльями.

Летом из Веве в Монтре отдыхающие ездят на велосипедах или плавают на яхточках. На Лемане катаются на серфинге (работает школа серфинга).

В Веве есть несколько музеев: Музей еды (открыт при содействии Nestle), Музей искусств, где располагается фонд Оскара Кокошки (в нем 800 произведений экспрессиониста; последние годы жизни Кокошка провел неподалеку от Веве), и Музей фотографии с раритетными фотоаппаратами. Еще в Веве есть дансинг, бильярдный клуб, прокат роликов (в спортивном клубе Altmann).

Мы не пожалели денег и остановились в Hotel des Trois Couronnes (входит в The Leading Small Hotels), что на самом берегу Лемана. Здание в пять этажей в стиле belle époque выглядит внушительным на фоне лилипутских домиков Веве.

Как это принято в Швейцарии, в отеле очень гордятся старыми русскими. Консьержка с седыми буклями рассказала, что в Hotel des Trois Couronnes (открыт с 1842 года) поправляла здоровье русская императрица Александра Федоровна, вдова императора Николая I (слово «вдова» появилось-таки в моем путешествии). Дело было зимой 1859 года, четыре года спустя после смерти царя по прозвищу Палкин. Овдовевшая императрица прожила здесь почти полгода, занимая со свитой почти половину отеля. Одна из дочерей Александры Федоровны и Николая Павловича спустя много лет вернулась в Веве, где жила в Hotel des Trois Couronnes одиноко, до самой своей смерти, общаясь только с русскими – графом и графиней Николаем и Натальей Шуваловыми. Шуваловы в 1878 году построили в Веве православную церковь.

Еще Hotel des Trois Couronnes любили композиторы. Шарль Гуно написал здесь большую часть «Фауста». Камиль Сен-Санс и пианист Игнацы Падеревский в четыре руки играли здесь полонезы (фотография той вечеринки висит около ресепшн). В списке постояльцев мы обнаружили имена режиссера Саша Гитри и философа Куно Фишера.

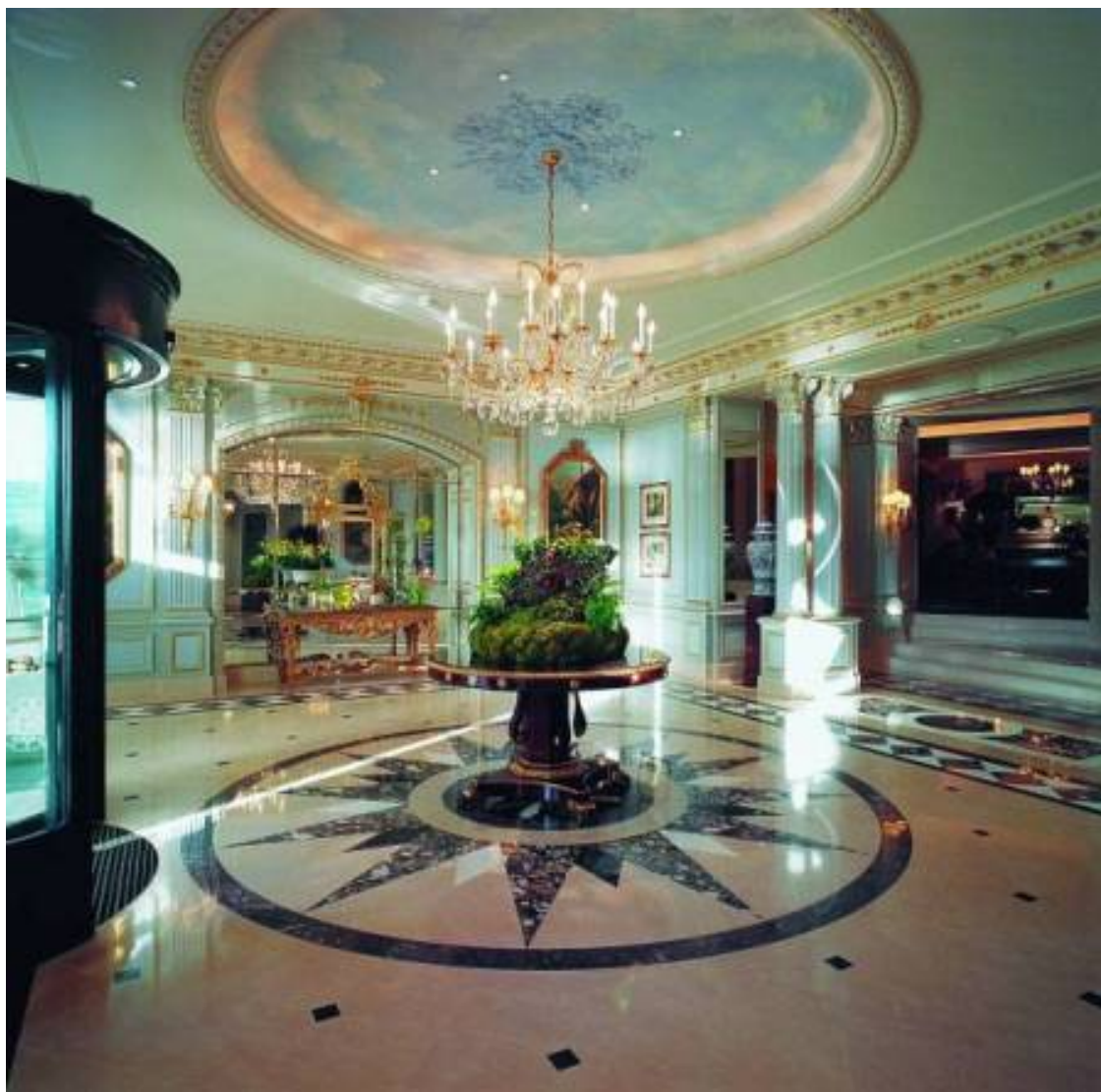
В Hotel des Trois Couronnes – гигантский холл с мраморными колоннами и фонтаном. Холл переходит в открытую с фасада террасу, в которой расположен обеденный зал (среди блюд гастрономического ресторана мы отметили горячий суп из омара, сваренный на основе шотландского виски 12-летней выдержки). Пять этажей, 55 огромных номеров, почти в каждом – камин и два балкона. Окна в пол, тяжелые гобеленовые портьеры, деревянные двери, закрывающиеся не с помощью пластиковой карточки, а ключом с классическим брелоком-грушей. В Hotel des Trois Couronnes есть и SPA.

Но самое главное – не биография отеля, не архитектура и не SPA с процедурами, массажами, бассейном и сауной. Главное – это размытый утренний пейзаж из большого окна, когда солнце, поднимающееся слева, начинает одну за другой окрашивать в красно-желтые тона белые макушки Альп.

Глянцевая Женева

Four Seasons Hotel des Bergues, Женева, Швейцария

Екатерина Истомина

Когда-то он назывался Hotel des Bergues и был одним из лучших и самым легендарным отелем в Женеве. Hotel des Bergues был первым отелем в городе, его построили в 1834 году. Сейчас у него новая жизнь, другая история, над его крыльцом другая табличка – Four Seasons Hotel des Bergues. Около года назад знаменитый старик-отель был куплен известной отельной сетью, закрыт на реставрацию и вот вновь принимает гостей.

Его собственная, добротнейшая, вековая патина покрылась бежево-шоколадным международным глянецом стиля Four Seasons. Сухопарый, высушенный, твердокостный, этот отель никогда не смягчала близлежащая вода, а ведь он стоит в уникальной точке – на набережной des Bergues, там, где зеленая тоненькая Рона сливается с Леманом. Напротив отеля – островок с зазеленевшим сгорбленным Руссо. Окна большинства номеров выходят на Леман, на фонтан, который по весне сносят ветры, и струя превращается в один большой водяной парус. С верхних этажей видны зацветающие в мае «Английский сад» и «Цветочные часы». Hotel des Bergues был суровым и старым, а стал гляцевым и почти что новым.

Стиль отелей Four Seasons (мы сейчас не имеем в виду их «релаксы», условно этнические отели, мы говорим только лишь об отелях городских) можно любить, а можно и не любить. Какая разница, если все стремятся попасть в отель самой сети Four Seasons?

К примеру, стандартный номер Four Seasons в Дохе почти ничем не будет отличаться от стандартного номера Four Seasons в Женеве. В отеле в Женеве будет другой гербарий в рамочке на стене над кроватью, другие тематические гравюры и побольше шкафов. Немного другой рисунок обоев, другие полоски на креслах в извечном их любимом стиле «Луи Филипп». Но почти один и тот же цвет стен, те же сочетания мрамора в ванной, устройство душевой кабины, письменный стол, пуфы, кресла, расстановка мебели в номере, планировка – все одинаковое.

С одной стороны, понятно и в чем-то удобно – таков стиль единой стремительно разрастающейся сети. И очевидно, что дизайнеры, работающие с Four Seasons, именно этого тотализаризма и добиваются. Но, с другой стороны, должны ли быть отличия съюта Four Seasons в

одной стране от сюта Four Seasons в другой? Как понять с утра, еще не выглянув в окно, что ты не в новостройке в Дохе, а в старейшем отеле в Женеве? И правда, до смешного – хоть на потолке вывешивай табличку!

Топ-менеджеры Four Seasons маркетинговой метлой вымели из Hotel des Bergues все домашнее, старенькое, пыльное, но ведь именно это и считается женевским. Здесь не осталось того, что делало отель домом. А ведь отели, в которых живут подолгу, как в домах, – одна из главных отелейных швейцарских историй.

Зато теперь в обновленном отеле – блистательные лестницы, вымытые люстры, гладкие перила, отутюженные женские статуи. Дворец, глянец, блеск, этому отелю по-прежнему поклоняются, его все так же боготворят. Прекрасен Royal Suite – очень элегантный, с собственной террасой с видом на Леман. Декоратором сюта выступил известный Пьер-Ив Рошон, потрудившийся до этого над новыми номерами венского Sacher. Отличные виды на Леман предлагают более дешевые сюты – Lemан и Mont Blanc. К «большим» номерам здесь нет претензий – Four Seasons, марка, планка, потолок. Производит впечатление ресторан Il Lago с богатствами североитальянской кухни. Four Seasons удаются бары и сигарные комнаты – Le Bar des Bergues чудесен.

Итак, встречайте! Сверкает красками, горит огнями, флаги – на ветру, лимузины – один за другим. Когда-то это был отель, в котором хотелось жить годами – тоскливо или счастливо. Теперь это блестящий, выдрессированный отель, где можно (и, конечно, нужно) остановиться – выходные, автосалон, часовой салон, съезд фармацевтов, симпозиум изобретателей. Hotel des Bergues стал очень деловым. Но бизнес-отелей в Женеве всегда было и так много – от дремучего President Wilson до капризного Mandarin Orient, не говоря уже о таком бесчеловечном месте, как Noga Hilton.

Но остался еще и Angleterre, где пока скрипят старые кровати, где можно забавно шаркать по коридорам и чья общественная терраса для завтраков не хуже приватной в Royal Suite. Благородная поношенность, она же патина, никогда еще не противоречила Женеве.

Новые виды на озеро

Grand Hotel Kempinski, Женева, Швейцария

Екатерина Истомина

Grand Hotel Kempinski, который находится на первой линии между отелями Angleterre и President Wilson, – это бывшая гостиница Noga Hilton. Noga Hilton имела скверную репутацию среди всех пятизвездных женеvских гостиниц первой линии от озера. Здесь хромал сервис, общественные помещения и номера требовали косметического ремонта, и сам стиль 1970-х (именно тогда на месте особняка belle epoque было построено ультрамодное по тем временам здание) нуждался в творческом переосмыслении, пусть и не кардинальном, но все же. Словом, все в Noga Hilton было не так: еще пять лет назад решение гостя уважаемого Женевского кантона добровольно поселиться в отеле Noga Hilton приравнивалось к дыре в кармане.

У русских (а с каждым годом русских становится в Женеве все больше, как справедливо отметил в связи с этим президент Путин: «Растет российская диаспора в Швейцарии») отель Noga Hilton, который они называли запросто «Нога», вызывал совсем особые чувства! Дело в том, что эта гостиница принадлежала бизнесмену Нессиму Гаону, основателю и бессменному руководителю фирмы Noga. Месье Нессим Гаон стал известен своими бесконечными попытками отсудить у Российской Федерации всякие миллионные суммы американских долларов, выданных его компанией российскому правительству в начале 1990-х годов. Российская Федерация, разумеется, была против выплат. И отчаянный швейцарский месье боролся с Россией как мог. Он, например, арестовывал парусник «Седов» (покушался также и на парусник «Крузенштерн»), он неоднократно пытался арестовать самолеты «Су» и «МиГ» на салонах в Ле Бурже. Потом российские долги были выплачены фирме Noga бизнесменом Владимиром Коганом, и шумный месье затих.

Однако в 2002 году компания Noga и сама обанкротилась. Старенького месье Гаона, а также всю его семью выселили из принадлежавших им гигантских апартаментов в правом крыле Noga Hilton. Год назад осиротевшую «Ногу» взял под свое крыло менеджмент сети Kempinski. И отель пустился в трудные процессы обновления, месье Гаон же окончательно переехал на другую сторону Женевского озера, а в его бывших апартаментах теперь готовят к открытию Geneva Suite, обещающий стать самым большим съютом с видом на Женевское озеро (Geneva Suite стал доступен для публики в феврале 2008 года). Всего в отеле 423 комнаты, из них 44 съюта. Большинство из них имеет вид на озеро, фонтан (Jet d'eau) и Монблан (виден только в хорошую погоду). Впрочем, ресторан и lounge-бар позволят любому гостю беспрепятственно наслаждаться красочным видом.

Обновление затронуло интерьеры лобби, комнат, бара, ресторанов, был также значительно переделан вход в отель со стороны набережной Монблан. Вот и начнем с входа.

Раньше по фасаду отеля тянулась унылая гряда ювелирных и часовых магазинов, и зайти в отель можно было, только нырнув в какой-нибудь из магазинов. Теперь же сделан главный вход в отель – это стеклянные двери в сложной, стекло с деревом, конструкции со стеклянным лифтом, который поднимается на второй ресторанный этаж или опускается вниз, в театр или на парковку. Двери в правой и левой части остались без изменений – они несут на себе основную

нагрузку по приему гостей: поскольку на набережной Монблан и без того пробки, устраивать здесь настоящий вход в отель никак нельзя.

Лобби бывшего отеля Noga Hilton из делового пункта по бесперебойному заселению в номера граждан, прибывших в Grand Hotel Kempinski, превратилось в место почти уже домашнее. Квадратная стойка ресепшн перенесена в центр (а раньше она была вытянута по стенке), появился большой камин. Вообще в обновлении, устроенном менеджментом отеля, приоритет отдавался именно новым интерьерным решениям, а не конструктивным переделкам. В сущности, здание отеля уже спокойно можно считать памятником эпохи, тем более что сами женеvцы, некогда бурно протестовавшие против сноса старинных особняков на первой линии, к этому «очкастому», бетонно-стеклянному, приземистому и «ретроавангардному» строению привыкли.

Конструкция здания не менялась, поэтому стандартные номера сохранили свою структуру – это окно-эркер, в котором угнездилась весьма просторная комната. Интерьерные новации отразились в подборе новой мебели и в новых цветах, но в Grand Hotel Kempinski, например, оставили замечательную интерьерную находку прошлого. Мы имеем в виду зеркальную дверь и зеркальный вход в ванную комнату – в данном случае зеркала работают на зрительное увеличение комнаты, вернее, ее узкого коридора.

Собственно, интерьерные решения сводились к одному – подвести под всем стилистическую черту всех отелей Kempinski. В первую очередь речь идет о палитре – жемчужно-серый, бежевый и коричневый цвета можно встретить почти во всех отелях цепочки, от какого-нибудь гигантского Kempinski в аэропорте Мюнхена до роскошного отеля на немецком курорте Хайлигендамм, где этим летом проходил саммит G8. Такая спокойная, деловитая, трехтоновая палитра используется как в обивке мебели, так и в отделке стен или в коврах.

Что касается мебели, то для стиля Kempinski характерна функциональная и современная мебель с уклоном в ар-деко или в 1960-е годы. Характерный пример – это двуспальная кровать с большим изголовьем и двумя тумбочками с лампами двух видов (такая кровать найдется в любом из отелей сети; кстати, матрасы в Kempinski одни из лучших) или изогнутый дугой письменный стол со стеклянной столешницей. Непременный атрибут – это букет белых цветов.

Более серьезные сюиты имеют несколько комнат, рассчитаны на проведение небольших корпоративных встреч. В числе клиентов Grand Hotel Kempinski видит в первую очередь деловых людей – для них залы для совещаний, комнаты для банкетов и фуршетов.

Разумеется, у нового отеля – обширные планы на будущее, всем сотрудникам предстоит много работы. Как говорит директор Grand Hotel господин Патрис Моссю, «мы потеряли американских клиентов, которые были довольны жить в отеле с приставкой «Хилтон», зато к нам очень рады приехать европейцы, в том числе и русские туристы, азиатские и арабские гости, то есть те путешественники, в чьих странах уже есть отели цепочки». В числе своих основных конкурентов, по словам директора, отель видит в первую очередь Mandarin Orient Hotel du Rhone, чьи окна выходят на стремительную Рону. Мы когда-то жили в этом отеле и можем свидетельствовать: это очень серьезный соперник.

Fashion & fusion

Casual по-венски

Radisson SAS Style Hotel, Вена, Австрия

Екатерина Истомина

Вездесущий туристический справочник по отелям, курортам и SPA-комплексам Conde Nast Traveller уже успел включить новый отель Radisson SAS Style в Вене в свой Hot List. Корреспонденты журнала, побывавшие здесь, отметили удобство и стильность (отель позиционируется как дизайнерский отель-бутик).

Нам же показалось, что этот новый отель позволяет путешественнику получить новые впечатления от Вены.

Дело в том, что туристическая Вена во многом благодаря ее гранд-отелям (таким, как знаменитый Sacher) выдает путешественнику типовой стиль отдыха – довольно «пензионерский». Здесь – оперный или иной имперский блеск, антисексуальный дресс-код, гастрономические излишества в виде «порочных» вечерних дегустаций шницеля и – непременно – прогулки в повозках с бубенцами. Кроме Sacher, в котором недавно открылись номера, сделанные Жаком Гарсиа, в Вене есть несколько других отелей в стиле palace (среди них еще один отель Radisson SAS, который так и называется – Palais). Кажется, что все венские palace-отели отчаянно пытаются догнать императорские дворцы Hofburg или Schoenbrunn. Тем, кто любит приезжать в Вену, стиль palace, может быть, уже наскучил или наскучит в ближайшее время – сколько можно чувствовать себя движимым реквизитом времен Франца-Иосифа или самой Марии-Терезии? В конце концов, сменить привычный имперский ритм путешествий по Вене на пульс современности – это интересно.

Венский Radisson SAS Style максимально дистанцируется от пышных венских традиций. Единственное истинно венское в нем – это расположение. Самый центр, по соседству – легендарное Cafe Central, венский дом кофе, классическое кафе с вековыми историей и меню. Через дом от отеля – начало дворцового комплекса Hofburg, через два дома – отель Sacher, через три – Опера, в двух минутах ходьбы – улица Kohlmarkt, в пяти минутах – собор Святого Штефана.

Этот отель – отличное подтверждение новой концепции сети: легкие на подъем современные отели, которые сделаны с использованием откровенных дизайнерских установок, но при этом с пониманием приоритетов, связанных с удобством. Отели стильны, и, к счастью, в них нет главного изъяна настоящих дизайнерских отелей – не надо мучиться от проявлений передовой дизайнерской мысли, выскивая стакан, выключатель, а в роковые минуты и дверь в туалет. Дизайном отеля сети в Дюссельдорфе, отеля рядом с парижским Диснейлендом, новой гостиницы в Брюсселе занимался Маттео Тун, ученик Оскара Кокошки. Дизайном же отеля в Вене доверили заниматься красивой женщине – гречанке Марии Вафьядис, получившей соответствующее образование и проживающей постоянно в передовом Лондоне.

В здании нового отеля когда-то располагался Австрийский банк – первый этаж немного напоминает банковский зал. Reception – слева, направо – длинный бар, прямо – chill out и лифты, прямо и налево – вход в ресторан, а вниз по лестнице – фитнес-центр. Там, кроме тренажеров и кабинок сауны, привлекают внимание две двери – это настоящие пуленепробиваемые банковские двери от сейфов. Госпожа Вафьядис оставила их как напоминание о славном прошлом здания.

Холл первого этажа, представляющий собой атриум, имеет квадратную форму. Его бдительно охраняют юные бармены, одетые в стиле Dolce & Gabbana. Стильные лампы сделаны из

толстой гофрированной бумаги, на стенах – деревянные панели теплых коричневых оттенков, обивка приземистой мебели имитирует красный плюш. Черно-белые репортажные снимки и огромные фотографии Марлен Дитрих и Греты Гарбо – напоминание о довоенной Вене. Декор кажется простоватым, если вы с детства привыкли останавливаться в венских palace, обильно украшенных несвежей позолотой. Но вспомните, что в гранд-отелях нужно всегда чувствовать себя на высоте, гордо нести собственную персону в публику. В Radisson SAS Style правильнее будет надеть итальянский casual (бутик Loro Piana – через дом от отеля, в самом начале Kohlmarkt) и завалиться на диван с газетой – этикет здесь не так строг.

В качестве пристанища мы выбрали угловой съют (номер 205) с большими окнами и эркером (всего в отеле 78 номеров, из них 17 – сьюты). Из окон мы имели возможность любоваться пейзажем старой Вены – кривой улочкой, громыхающей по ней повозкой с возницей в зеленом тирольском костюме. Номер был чем-то похож на новенькую плетеную корзину, полную разномастных лоскутков разнофактурной обивки стен и мебели. Не просто номер, а вязаная, сшитая из кусочков ткани просторная и очень удобно спланированная нора. Наверное, здесь еще уютнее долгими зимними вечерами – под теплым пледом, с бокалом глинтвейна на стильной тумбочке, отдыхая после посещения Оперы или рождественского базара.

Главный отельный ресторан называется Saporì, в меню – классические богатства итальянской кухни. Заводить венский ресторан было бы глупо, учитывая близкое соседство с Cafe Central. На горячее мы выбрали домашнюю пасту с грибами и морепродуктами и не прогадали – текстура и фактура обладали почти диетической магией. Наслаждение вкусом и объемом продлилось и при знакомстве с более чем питательным десертом – местный шеф, итальянец, раньше работавший в Radisson SAS Palace, комбинирует имперскую плотность венских пирож-

ных с итальянской десертной наивностью. Получается изящно и вкусно. Кроме ресторана – бар N12 в так называемом миланском стиле (напоминающий ресторан Nobu Джорджо Армани), где посетителям выдается солидная карта местных и итальянских вин, а также сезонных коктейлей.

И все же, если страсть к доброй старой Вене неистребима, если хочется надеть клетчатый пиджак и желтые ботинки с высокой шнуровкой и шерстяными носками, если тянет кататься на декоративном извозчике, а без кирша, штруделя и шницеля утром вам никак не оторвать головы от подушки – здесь всегда к вашим услугам титанические гранд-отели, переделанные в разное время из городских дворцов и особняков врачей и адвокатов. Однако Radisson SAS Style, переделанный из прагматичного банка, – это тот венский отель, который стоит хотя бы попробовать.

На задворках Букингемского дворца

Buckingham Gate 51, Лондон, Великобритания

Игорь Мальцев

Когда вы говорите лондонскому таксисту, что вам нужно ехать в Buckingham Gate 51, он может озадаченно на вас посмотреть. А все потому, что лондонские таксисты этого отеля просто не знают. Вы говорите, что рядом Crown Plaza, тогда вас довезут практически до места. Что ж за неудобство такое?

Ничего подобного – это как раз главное удобство сравнительно нового люксового отеля от индийской группы Taj. Первый, кого мы встретили у дверей в апартаменты, был боксер Льюис Леннокс. Он спокойно вышел из своего «Мерседеса», прошел два метра по ступенькам и скрылся за дверями. Он в те дни занимал двухэтажный номер, который здесь называют «премьер-министерским».

Дело в том, что в этот отель нет входа с главной улицы – только вход со двора, который закрыт шлагбаумом. Поэтому здесь никогда не бывает папарацци, и, следовательно, завтра в прессу не попадут фотографии выгружающейся Бритни Спирс со своими друзьями. Мало ли кто хочет обрести в Лондоне покой и privacy? Вот именно покой и privacy – основной конек этого «домашнего» отеля.

Небольшая комната reception, где приятная девушка выполняет все формальности, а все остальное – непосредственно номера – это уже через «подъезды», что делает проживание в этом старинном лондонском доме на задворках Букингемского дворца весьма уютным. Конечно, для уюта вы можете выбрать себе не очень большой номер, хотя мы не обнаружили там номеров меньше чем 80 кв. м.

Тот номер, который достался нам, был 120 кв. м. Его роскошь была слегка демпфирована, можно сказать, дзен-буддистским подходом к оформлению и дизайну помещения. Огромная гостиная, где утром официант накроет вам стол для завтрака, коридор (15 метров), по бокам которого выстроились кухня (если вы вызываете буфетчика и устраиваете небольшой прием для ваших друзей из конкурирующих газет), гостевая ванная и туалет, в конце – спальня, во втором коридоре, идущем от спальни, – гардеробная комната и огромная ванная, с глубокой ванной, стоящей на постаменте у окна. Так что вам легко читается при свете летнего лондонского солнца.

Солнце играет в бокале, вода плещется в ванне, и жизнь задалась... Особенно если вы решите купить пакет «Три ночи в Buckingham Gate 51»: бокал шампанского Primms по приезду, полный завтрак английского типа в библиотеке, полный пакет в спортзале Club at St. James. А одна ночь в номере, подобном нашему, стоит € 1500.

Несмотря на то что для отеля такого уровня понятие «шоп-тур» глубоко чуждо, местный менеджмент прекрасно понимает желание женской половины гостей отправиться куда-нибудь за покупками. Если вы едете в Harrod's или в Selfridges, то вам полагается бесплатное такси. Иногда таксисты отказываются везти бесплатно и вступают с консьержем в полемику, тогда вы просто берете чек у таксиста, и администрация вам деньги возвращает. Мелочь, а приятно.

Неподалеку от 51-го есть Army & Navy, который можно было бы назвать «Военторгом», если бы он не отличался от «Военторга», как английская монархия от русской демократии. Именно здесь можно купить косметику Molton Brown, если она вам понравится во время пребывания в отеле. Так как компания, которая построила этот отель в Лондоне, занимается курортами Юго-Восточной Азии, эти парни понимают толк в отдыхе, массаже, водах и SPA. Здесь SPA основано на бренде Sodashi (в переводе с санскрита – «чистота»), который, как утверждается, не содержит химически сконструированных элементов – только природные. Уход за лицом в течение 90 минут обойдется вам в € 100, и вы выйдете как огурчик без всякого ботокса.

Кстати, о монархии. Внимание с ее стороны вы будете ощущать даже тогда, когда выйдете во двор (который является также частью стеклянной галереи ресторана), – дело в том, что в этом, награжденном не так давно за дизайн и чистоту, дворе стоит фонтан, который местным подарила сама королева.

Ближайших ресторанов здесь два – Quillon и Bank Westminster and Zander Bar.

Надо ли говорить о том, что до самых главных аттракционов Лондона можно отсюда добраться пешком: за углом происходит смена караула у дворца, за другим углом – исторический паб Albert, и если чуток пройти, то вы выйдете прямо на Вестминстерское аббатство. То есть гулять здесь одно удовольствие.

Правда, президенты развитых стран, которые также любят здесь останавливаться, вряд ли ходят пешком. Зато у нас с вами полно не только времени, но и возможностей рассмотреть в подробностях один из лучших городов на Земле. После Москвы и Жуковки, конечно.

Великая коктейльная революция

Dorchester, Лондон, Великобритания

Екатерина Истомина

В январе 2008 года лондонский отель Dorchester совершил великую коктейльную революцию. Весьма известное в городе отельное гламурное заведение The Bar, немного стилизованное под азиатское ар-деко 1920-х (в The Bar, как и в гастрономическом китайском ресторане Chine Tang, все очень похоже на Шанхай тех великих лет, не хватает только завываний Вергинского в образе Пьеро), коренным образом переосмыслило образ такого напитка, как коктейль.

Конечно, до января 2008 года в The Bar и так весьма неплохо наливали. Однако новый коктейль glossy, состоящий из ванильной водки, шампанского, цветков бузины и клюквенного сока (все это взболтано до пьянящей и блистательной алкогольной пыли) был представлен в январе 2008 года и очень быстро доказал, что все прежние коктейли, подававшиеся в The Bar, – это штаны на лямках. С бокалом коктейля glossy хочется остаться в The Bar подольше. В конце концов, уже дожидаться здесь товарища А. Вертинского.

Но ждать артиста не нужно, особенно если вы остановились на этот раз не в Belgravia Suite и не в Dorchester Suite, а выбрали один из трех новых сьютов, торжественно открытых в отеле в конце прошлого года. Это Audley, Terrace и Harlequine, и после порций glossy надо идти именно туда. Идти придется далеко, так как все новые сьюты расположены под самой крышей отеля. Из всех сьютов, оснащенных балконами и террасами, открывается почти панорамный вид на Лондон в целом и район Мэйфер, Гайд-парк и Парк-лейн в частности.

Так, Audley Suit включает в себя не только террасу (с убедительным видом на собор Св. Павла), но и несколько необходимых жилых помещений – гостиную, спальню, бар, гардеробную и бесподобную мраморную ванную, лежа в которой так и хочется снова и снова принять на грудь бокальчик glossy (для этого будет достаточно позвать собственного «батлера», дворецкого, который закреплен за каждым сьютом).

Дизайнер Александра Шампалимо, работавшая над тремя новыми сьютами, оформляя номер Audley, уделила внимание современной энергичной отделке в духе хай-тек, то есть никель, темное дерево, шелк на стенах, акцентные в виде жемчуга. Иными словами, не консервативно, но торжественно. Основные цвета, задействованные в интерьере, – цвет бирюзы и невыносимо-желтой тыквы.

Следующий экземпляр – Terrace Suite. Это пристанище для истинно самовлюбленного и тщеславного господина, которому в первую очередь придется по душе расположение комнат Terrace Suite. Дело в том, что из ванной комнаты здесь проложена прямая дорога на большую террасу, то есть появиться над великим городом можно прямо в халате или даже вовсе без него.

Основной вид с террасы открывается на Гайд-парк, и он весь как на ладони, видно все, включая местных лебедей и пеликанов. Основные цвета Terrace Suite – это дымчато-серый, желтый, клубничный и цвет морской волны. Словом, какая-то психоделическая палитра. С ума сойти можно: в ванной мы обнаружили вставки из уникального лунного камня черного цвета. Хлопковые одеяла и халат от итальянской марки Frette, что, впрочем, уже банальность.

И наконец, Harlequine Suite – самый большой из трех новичков. Кроме помпезной террасы (опять-таки с видом на Гайд-парк) в сюте ловко обустроены бар, гостиная, столовая, спальня, и все комнаты тянутся нескончаемой анфиладой. Стены обтянуты шелком и кожей чаще всего яблочного и изумрудного цветов. В ваннах – розовый и белый мрамор. Иногда попадает белый оникс, плюс хромированные вставки, плюс деревянные панели из дорогой сикоморы, особенно их много в гардеробной.

Вообще-то мы в некотором роде напрасно расписали модернистскую составляющую новых сьютов в лондонском Dorchester. Сказали здесь про психоделику и гламур, упомянули про Арлекина. На самом деле это очень жилые и удобные помещения, в них нет никакого цирка или чудачества. Как нет никакого чудачества в самом Dorchester, открытом в 1931 году. Это большой отель, перед ним – сад, утопающий в клумбах и освежаемый динамичным фонтаном. Теперь изучать цветение клумб, а также особенности сексуальной жизни пеликанов в Гайд-парке можно с крыши, вернее, с террас новоиспеченных Audley, Terrace и Harlequin Suites. И вообще никуда уже не ходить, дворецкий все принесет, включая коктейль glossy.

Кролики, виски и президенты

The Gleneagles Hotel, Шотландия, Великобритания

Валерий Панюшкин

Саммит G8 в шотландском The Gleneagles Hotel, слава богу, позади. Теперь в этом отеле могут жить не атакуемые антиглобалистами, не обнесенные металлическим забором, не связанные бессмысленной секретностью люди. Играть в гольф, кататься на лошадях, путешествовать по окрестным замкам, ходить на рыбалку и соколиную охоту с птицей на рукавице. Под словом «виски-сьют» можно теперь, слава богу, разуместь не резиденцию одного из глав государств, а большой и удобный номер, в котором живешь. Хорошо, когда начальство уезжает, правда ведь?

Это только на время саммита The Gleneagles Hotel огораживали высоченным металлическим забором. На самом деле отель окружен холмами, по которым с утра вместо зарядки можно кататься на велосипеде, утопая на полколеса в менее знаменитом, чем английский, но не менее густом шотландском тумане и вздрагивая от того, что дорогу в неполюженном месте перелетает дикий фазан или перебегают дикий кролик.

– Кролики у нас в Шотландии – настоящее бедствие, – говорит рейнджер, загорелый человек в штормовке и тяжелых ботинках, управляющий «Лендрровером», нагруженным клетками с охотничьими ястребами. – Кролики сжирают траву, травы не хватает овцам, поэтому охота на кроликов разрешена круглый год.

Мы подъезжаем к охотничьим угольям, представляющим собою холмы, изрытые кроличьими норами, надеваем рукавицы, сажаем на рукавицы ястребов. Все девушки в нашей компании говорят, что лучше бы они остались в отеле и пошли в SPA. Девушки отказываются принимать участие в охоте, поскольку им жаль кроликов за то, что те милые и пушистые. Впрочем, ястребы тоже не слишком-то настроены на смертоубийство, поскольку ленивы и сыты. Охота превращается в прогулку по холмам с ястребом на руке, причем кролики прыскают из-под ног, ястреба можно время от времени запускать кролику вслед и смотреть, как красиво летит птица и как потешно (и успешно) улепетывают кролики.

– Еще мы постоянно отстреливаем кроликов из ружей, – говорит рейнджер и везет нас на стрельбище, где роль кролика исполняет пластмассовая калабашка, выплевываемая специальным автоматом, а роль дупеля выполняет выплевываемая автоматом пластмассовая тарелочка.

– Это очень мирный спорт, – говорит рейнджер, перезаряжая охотничью «беретту». – Мы можем устроить для вас соревнование, если вы приехали большой компанией. На вас из нескольких разных мест будут лететь тарелочки, а вы будете состязаться, кто больше тарелочек подстрелит.

Дальше мы едем рыбачить на озеро, которое в здешних местах называется не английским словом «lake», а шотландским словом «loch», и рейнджер говорит, что водоем, на который он везет нас, – это «суперлох». Из озер вытекают речки. В речках водится лосось. Шотландский лосось, по-моему, лучше даже норвежского, и каждое утро и каждый вечер ничего не можешь поделаться с собою, на завтрак и на ужин украшая свою тарелку, как розами, ломтиками местного лосося разных степеней копчения. Интересно, главы «Большой восьмерки» хоть лосося-то местного пробовали?

Мы едем стрелять из лука, кататься на джипах по бездорожью, прогуливаться верхом, играть в гольф, который в Шотландии – дело семейное, так что если не умеете сами правильно бить по мячику, то научите хотя бы детей.

Пока был саммит «Большой восьмерки», в The Gleneagles Hotel детей не было. На самом деле этот отель – один из немногих дорогих, где предполагается, что гости приедут с детьми. Для детей есть спортивные развлечения, детские клубы, вожатые, и даже в ресторане можно попросить, чтоб ребенка проводили на кухню, где он сам приготовит себе еду под руководством гастрономического повара. Совершенно непонятно, почему главы «Большой восьмерки» не берут с собой детей на свои саммиты. У них же есть дети. Саммиты бы стали не такими посконными, если бы дочери президента Буша или президента Путина тащили бы то и дело отцов в холмы ловить кроликов.

– Ну, – говорит рейнджер, – какие у вас планы?

– Пойдем дегустировать виски.

Старая часть отеля, та самая, стоя перед которой в саду президент Буш давал отповедь мировому терроризму, перестроена из бывшего вокзала. Тамошний бар все еще смахивает слегка на зал ожидания, если только представить себе, что в зал ожидания старинного вокзала нагромоздили мягких кресел и бутылок виски. Односолодовых виски там столько, что физиология человека не позволяет перепробовать их быстрее, чем за год. Интересно, главы «Большой восьмерки» хоть виски-то пробовали?

– Я, – говорит рейнджер, – тридцать лет дегустирую виски и все мечтаю найти хоть одно, которое бы мне не понравилось.

Мы сидим в баре. Хорошо, что начальство уехало, правда ведь?

Шик-модерн

Four Seasons Gresham Palace, Будапешт, Венгрия

Геннадий Йозефовичус

В Gresham Palace, лучшей гостинице Будапешта, гостей знают пофамильно. Приезжаешь ты, скажем, из аэропорта, а открывающий дверцу лимузина портье вежливо так, обходительно говорит:

– Добрый день, мистер Йозефовичус, добро пожаловать в Будапешт, в Gresham Palace!

Ну, думаешь, весь день, бедняга, тренировался – артикулировал перед зеркалом, ходил в лингафонный кабинет, изнурял себя многочасовыми тренировками.

Потом проходишь в холл, и охранник в хорошем костюме так же, как и давешний портье, приветствует тебя по фамилии:

– Добро пожаловать, мистер Йозефавичус. Желаю вам хорошо провести время!

Вслед за охранником какие-то милые девушки, пересекающие холл, говорят тебе что-то подобное и опять-таки называют по фамилии. Понятно, что на reception все повторяется вновь – тут уж ничего странного, это их работа.

Поначалу на то, что тебя все знают, внимания не обращаешь. Это чуть позже, когда будешь спускаться в холл в следующий раз, когда пойдешь на завтрак, когда неожиданно ворвешься в гостиницу с покупками, а тебя продолжат узнавать и называть по фамилии, начнешь задумываться, удивляться и даже немного восхищаться. В первый раз, конечно, обращаешь внимание не на это, а на то, что они вообще могут произнести твою фамилию! Впрочем, после минутного замешательства вспоминаешь, что ты в Венгрии, стране такого языка, ни одно слово из которого тебе ровным счетом ничего не напоминает, и что фамилия твоя – элементарный пример, задачка для начальной школы, что натренированным венгерским языком ребятам сказать «Йозефавичус» проще, чем поздороваться, и шок проходит.

Зато наступает запланированный архитекторами шок от красоты того дома, в который ты попал.

Здание Gresham Palace строилось в десятых годах прошлого века для страховой компании сэра Грешэма. Естественно, что на пике моды на стиль *art nouveau* богатый подрядчик заказал огромное здание именно в этом стиле. Было выбрано лучшее в городе место – на берегу Дуная, прямо напротив королевского дворца, у Цепного моста. Первые этажи заняли собственно страховщики, остальное пространство – богатые и знаменитые жильцы, выкупившие или арендовавшие квартиры в доме. Тут квартировали послы, местные рокфеллеры, актеры. Продолжалось все это, понятно, до Второй мировой войны и последовавшей советской власти.

Власть рабочих и крестьян, как известно, дворцов не любила и живущих там либо выводила вон (с разными последствиями), либо уплотняла. Не минула участь сия и Gresham Palace. Красивый дом замусорили, огромные квартиры разбили на клетушки, хрустальные люстры поразбивали; майолики, витражи, лифты – все это поломали, побили и снесли на свалку истории.

С обретением независимости (от социализма), когда Будапешт стал нуждаться хоть в одном отеле, не декорированном в стиле обкома партии, была призвана компания Four Seasons, которая и присмотрела себе страховой дворец на берегу Дуная. Начался процесс расселения коммуналки, застопорившийся, как водится, оттого, что жилища одной из квартир (престарелая актриса) встала буквально насмерть, решив умереть в родном доме. В отличие от леденящих кровь московских историй, с пожилой дамой ничего делать не стали, решили дожидаться естественного разрешения вопроса. Потеряли года два, зато не прослыли палачами.

Через некоторое время Gresham Palace освободился, и бригады мастеров принялись, разбирая слои штукатурки, краски и обоев, докапываться до первоначального декора *art nouveau*. Понятно, что кое-где докапываться было уже не до чего, но в большинстве номеров будущего отеля удалось высвободить из-под наслоений лепнину, а на лестничных площадках – элементы витражей. В холле обнажились майоликовые плитки на стенах и оригинальный декор полов. В одной из квартир Gresham Palace внутри стен при «раскопках» нашли раздвижные двери, из-за которых будущая комната немедленно получила повышение до апартаментов – двери решили отrestaивировать и использовать по назначению.

Остатки первоначальных украшений, по возможности сохраняли, реставрировали, дополняли интеллигентным новоделом, сработанным на тех же фабриках, что и оригинальные детали. А вокруг оставшихся от времен сэра Грешэма завитков, плиток, паркетин и чугунных перил отстраивался новый отель, в реконструкцию которого компания Four Seasons вбухала что-то около € 100 млн.

Заметим, что на реставрацию королевского дворца, разрушенного в конце войны, явно было потрачено меньше денег – снаружи-то он весьма хорош, а вот внутри поражает партийными интерьерами с неперменной гранитной крошкой, которой обезображены стены. Впрочем, дворец-то восстанавливался еще в советские времена, отсюда и интерьеры.

Gresham Palace повезло больше, за него взялись уже после окончания эпохи исторического материализма, а потому он (как, может, никакой другой отель в мире) оправдывает слово palace в своем названии. Дворец, да и только! Один фасад чего стоит!

Кстати, на фасаде изначально, сто лет назад, укреплены четыре фигуры. Как вы думаете, что они изображают? Четыре времени года, как ни странно. Предназначение быть отелем Four Seasons у Gresham Palace было написано на роду, вернее, на фасаде.

Со стороны Дуная на первом этаже Gresham Palace – два заведения общепита: более формальный ресторан Pava и совсем неформальная, типичная для Будапешта кофейня. В Pava – лучший в городе ресторан – высокие венгерские чины (вроде президента или председателя парламента) водят своих гостей, когда не хотят мучить их паприкой и гуляшом. А вот в кофейню ходят не только за кофе с булочками, но и за традиционными для Венгрии блюдами.

Шеф Абдесаттар Зитуни (проработавший, кстати, несколько лет в московском «Аэро-старе») решительно отделяет свою любимую средиземноморскую кухню от мадьярской экзотики. Разве что знаменитое местное фуа-гра да пара сотен венгерских вин допущены в Pava.

Интересно, что до открытия Four Seasons в Будапешт почти не завозились свежие продукты типа морской рыбы, устриц, южноамериканской говядины, новозеландской баранины, экзотических фруктов и овощей. Жил себе город со своей паприкой, поедал тоннами гуляш, салями и ведать не ведал о современной модной легкой кухне. Обходился как-то! Потом открылся Four Seasons, как черт из табакерки, появился шеф Зитуни, и первые доставленные самолетами деликатесы попали на столы гостей Pava.

Сначала продукты летали один раз в неделю, потом дважды, чуть позже в Будапеште открылась первая компания, специализирующаяся на доставке рыбы и устриц в Венгрию в свежем виде, и маховик раскрутился. Есть продукты – есть рестораны. В центре столицы теперь найти приличный невенгерский ресторан проще простого, даже искать не надо.

А с вином, что характерно, совсем другая вышла история. До открытия Four Seasons иностранцы (да и многие богатые венгры) предпочитали бордо и тосканское. Теперь – наоборот. Виночерпий по имени Агтила собрал по берегам Балатона столь выдающиеся токайские вина и сделал столь прекрасную карту, что пить то, что легко можно найти за пределами Венгрии, стало просто неинтересно.

В общем, Four Seasons Gresham Palace стал каким-то флагманом и катализатором. И мясо из Уругвая сюда возят, и токайское пьют, а уж каким подспорьем стало строительство гостиницы для местных мастеров – даже не описать. Возродил, можно сказать, Gresham Palace

некоторые полузабытые производства. Вот, к примеру, понадобились для холла майоликовые плитки в стиле art nouveau – хотелось сохранить старую мозаику, но многих кусков не хватало, – и та же мастерская, что делала сто лет назад плитки для страховщиков, вновь освоила технологию. То же и с витражами. Кое-где остались куски, осколки, и по ним тут же, в Будапеште, удалось воссоздать разбитые вдребезги стекла.

Кстати, о стеклах. В холле, на второй его линии (на уровне reception), из-под копоты, грязи и штукатурки были высвобождены почти гумовские железные конструкции с еще сохранившимися кое-где вставленными в металлические рамы стеклами. «Парниковую» крышу, традиционную для модерна, естественно, восстановили. Под ней теперь располагается слегка напоминающий вокзальный буфет Passage Bar. Здесь играет музыка, расставлены по моде парижского George V (тоже Four Seasons) цветы а la Джефф Литэм, сюда шеф Зитуни заходит за вечер не один раз, высматривая потягивающих вино постояльцев и посылая им в качестве compliment какие-нибудь вкусности типа фуа-гра под манговым чатни или крохотных бараньих котлеток. Все зависит от выбранного постояльцем вина, ну и, конечно, от настроения Абдесатара. А настроение у Зитуни всегда хорошее.

Надо упомянуть некоторые апартаменты. На крыше дворца, справа и слева, прилеплены две башенки. В них – спальни двух honeymoon (для медового месяца) сьютов. Огромные кровати для новобрачных стоят прямо под куполами башен, и никто и ничто не может помешать обитателям апартаментов хоть сутки, хоть неделю вообще не выходить наружу. Ну, разве что до SPA добраться – SPA-то на этом же, последнем, этаже.

Уютная нора бюргера

Bülow Residenz Hotel, Дрезден

Екатерина Истомина

Bülow Residenz Hotel расположен в реконструированном бюргерском квартале. Этот отель – восстановленный бюргерский дом, построенный в 1730 году. Чтобы дойти от Bülow Residenz Hotel до центра, нужно перейти главный городской мост.

Bülow Residenz Hotel – это сытая, уютная нора, возведенная богомольным бюргером. Ни одной мушки, ни одной пылинки. Хрустальные стаканчики, фарфоровые люстрочки, низкорослые деревянные шкапики с множеством вымытых рюмочек, глубокие креслица, обитые радостным шелком. Кажется, что под кроватью так и стоит позабытый старый фарфоровый ночной горшок. Но горшков мы не обнаружили (косметика в ванной, между прочим, от Molton Brown).

Очень хорош местный ресторан Caroussel (17 баллов из 20 по рейтингу Gault Millau, с 2007-го шеф-повар Дирк Шреер входит в Top-50 Германии) с крохотными говяжьими тефтелями, легким грибным пюре, взбитом со сливками. Они надежно подкрепляются местными «вильяминовкой» и клубничной водкой. Неплох и алкогольный погребок, главное украшение которого – батареи тоненьких, хрупких бутылок с крепкими и сверхкрепкими напитками и классических винных бутылей с редкими «морозными» винами (Eisweine), которые делают из прихваченного морозом винограда.

Трогательная немецкая деталь: если вы приезжаете в Bülow Residenz Hotel один (одна), то на ночь вам выдают большого плюшевого медведя. Это для человеческого тепла.

Новая Саксония

Hotel Kempinski, Дрезден, Германия

Екатерина Истомина

О Дрездене принято думать, что это центр депрессивной части Германии. Считается, что единственный оплот цивилизации здесь – знаменитый стеклянный завод «Фольксваген», где все еще выпускают провальный «Фэтон». Широко известен местный табачный завод, построенный наподобие мечети. Считается, что Дрезден – экзотика для ностальгирующих немцев с Запада, а для остальных – это кошмар, позор и разорение. Между тем почти весь исторический центр Дрездена, столицы великой Саксонии, восстановили.

Давным-давно реконструированы дворец Августов (Zwinger) и Дрезденская галерея. Открыта в историческом здании Опера, и билетов не достать. В Оперу надевают такие бриллианты и меха, от которых закачалась бы и Вена. В центре Дрездена восстановлены небольшие исторические кварталы, причем реконструирована, насколько это было возможно, их историческая разметка. Ретропароходы с дымящими трубами и народным шансоном на палубе возят гостей по мелкой сельской Эльбе в сторону Мейсена.

Отстроено, конечно, не все – Дрезден эпохи ГДР, похожий на советский Каунас, еще выглядывает и там и сям. Туристы в теплых красных жилетках предпочитают пешие прогулки пенсионерским шагом – из галереи в винные подвалы (питательные саксонские вина и настойки), потом – в бутики фарфора, потом – вниз по Эльбе, а потом – в Оперу. Стандартный немецкий вариант отдыха.

Однако Дрезден неожиданно кажется прозрачным, акварельным, нереальным, едва весомым. Дрезден – это все еще призрак, все еще тень, в отличие, например, от Дюссельдорфа, тепло и изящно, как кошка, и совсем уже колбасного Мюнхена.

В Дрездене, на мой взгляд, есть пока два достойных отеля, хотя почти каждая из крупных отельных сетей – Radisson, Marriot, Sheraton, Hyatte, Westin – имеет в городе по пристанищу.

Первый среди равных – все-таки Hotel Kempinski, который так же, как и его берлинский собрат, устроился в самом центровом месте – напротив входа в Дрезденскую галерею.

Историческое здание было восстановлено всего лишь два года назад. С этим зданием связана история из саксонского прошлого. Август Сильный, правитель саксонской земли, запер здесь любовницу – бедная женщина хотела бежать за границу от его домогательств. Она провела во дворце около тридцати лет, и за это время свыклась со страстью своего Августа.

В мае 1945 года союзники разбомбили Дрезден. Старые дрезденцы вспоминают, что в те времена дом считался целым и пригодным для жилья, если от него осталась хотя бы одна стена. Ни одной стены не осталось от будущего Hotel Kempinski. Союзники целились именно в город – так, в предместьях Дрездена сохранилось множество нетронутых старых вилл, в которых в социалистические времена жили и принимали клиентов адвокаты и дантисты. Сегодня это частные дома или рестораны, один из лучших – Villa Marie с прекрасно запущенным садом и национальной кухней, выдержанной в романтической тональности (суп из капусты с болотной брусникой, домашняя яичная лапша с лососем – весьма и весьма достойные деликатесы).

Здание отеля было восстановлено по уцелевшим чертежам в 2003 году. Получился большой отель с высоченными сводами, бесконечными переходами, галереями, закоулками. В этих галереях и закоулках таятся маленькие бары-чайные, рассчитанные на четырех человек. Стиль – холодный, парадный, но при этом почему-то минималистский. Из-за очень больших про-

странств весь этот дворцовый реквизит рассеивается. Гигантские, четырехметровые потолки в номерах, в меру упитанная лепнина. Из окна видны Опера и набережная Эльбы.

В Hotel Kempinski – лучшие немецкие завтраки из всех немецких завтраков в мире. Золотые россыпи славных сосисок, которые здесь принято запивать несколькими бокалами немецкого шампанского (под Дрезденом находится множество винокурен). В отеле находится знаменитый в Дрездене America's Bar, чопорное место, куда приходят на джестив после посещения Оперы. Здесь любят добрые соленые немецкие шутки, а также анекдоты про Путина (их рассказывают русскоговорящие дрезденцы, которые уверены, что Дрезден – это вторая родина Владимира Путина).

Немецкий след Джона Леннона

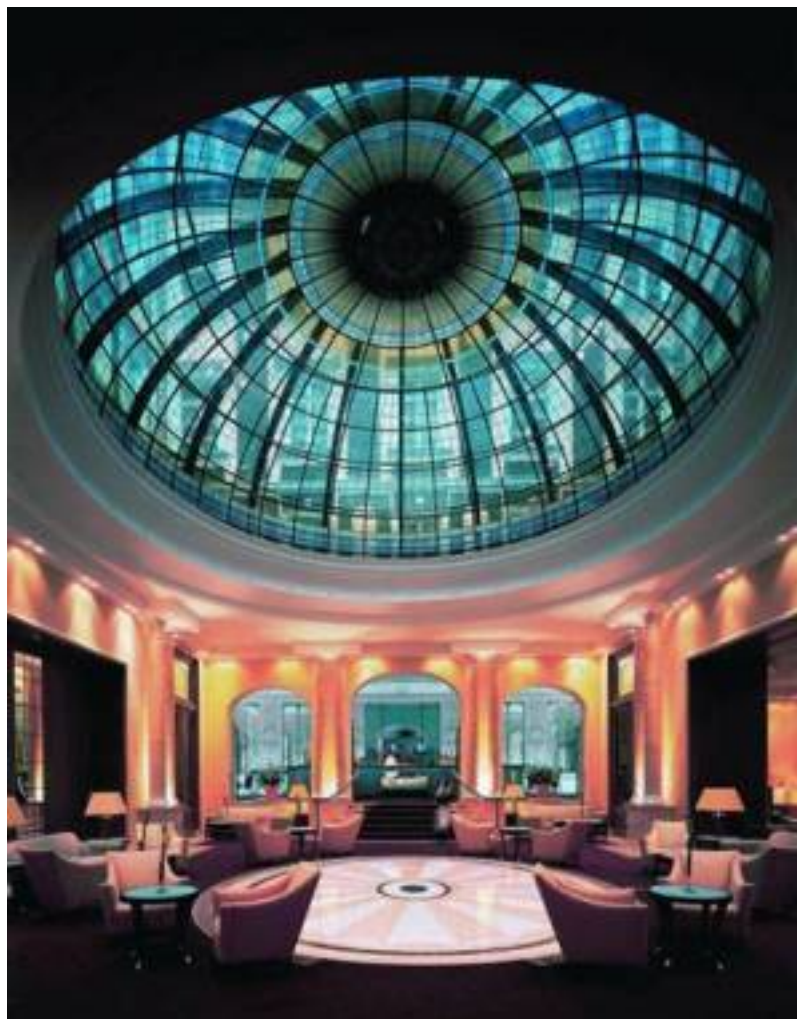
Bayerischer Hof, Мюнхен, Германия

Игорь Мальцев

Когда первые битломаны были маленькими, они и думать не думали о том, по каким городам ездили их кумиры The Beatles, и тем более не могли задуматься, в каких гостиницах они останавливались.

Мы рисовали ручкой в тетрадке и на парте гитару Джорджа и не могли даже в лупу прочесть название «Rickenbacker» на мутном фото.

И только немного спустя – лет эдак тридцать – некоторые из нас узнали, что такое стадион «Шиа», что такое стадион «Уэмбли» (а некоторые, по недоразумению, вместо «Уэмбли» купили стадион «Челси»). А мы вот стали «коллекционировать» отели, в которых останавливались Beatles во время их гастролей по миру в качестве «знаменитой четверки».

Что интересно – и сегодня эти отели принадлежат к списку лучших в мире. Так что на пике славы Beatles неплохо оттягивались – The Plaza в Нью-Йорке, Crillon в Париже, Bayerischer Hof в Мюнхене...

И вот собрались мы в Мюнхен – в Старой Пинакотеке выпить пива в буфете, в пивной НВ посмотреть картины жизни. И конечно, не могли не остановиться в Bayerischer Hof, коридоры которого помнят великую четверку.

Если кто-нибудь еще следит за творчеством несуществующей группы, то скажу, что Beatles приехали сюда 25 июня 1966 года для того, чтобы дать концерт в Circus Crone-Bau. Кстати, семь из двенадцати сыгранных песенок сняло для своей передачи ZuËddeutsche Fernsehse – местное телевидение. Если у кого есть знакомые в Баварии, можно попросить посмотреть.

Мы тоже сорок лет спустя решили остановиться здесь. Хотя бы потому, что теперь это место состоит в Leading Hotels of the World и расположено практически в центре города, откуда два шага и до бесконечной торговой улицы, и до мясного рынка, и до Residenz, а оттуда до Английского сада. Не знаем, как там Beatles, а мы, люди, измученные отсутствием и нарзана тоже, тут же решили совершить марш-бросок по пивным. Логично начинать с пивной Augustiner-Grossgaststatten с пивом от монахов-августинцев. Всегда приятно съесть пару мюнхенских белых сосисок в сопровождении полулитровой (впрочем, баварцы предпочитают литровые) кружки пива в архитектурном комплексе от 1885 года.

Осознание этого факта настраивает на спокойный, созидательный лад. Главное – больше половины литра сразу не брать, так как если вы прилетели утренним рейсом, то сейчас на часах всего полпервого, и вам спешить некуда.

Наблюдение экономиста-любителя: если номер в приличном отеле типа Bayrischer Hof может стоить от четырех сотен за ночь, то за еду в Мюнхене заплатить больше € 30 на двоих вам вряд ли удастся. Ну, разве что тут же лопнуть на глазах публики в кожаных штанах.

Насчет кожаных штанов. Хотя это сильно отдает образом Лесоруба из бессмертного Monty Python («I'm a lumberjack and I'm OK...»), кожаные штаны и народные рубашки здесь не стесняются носить даже довольно молодые люди. С другой стороны, если бы волжский автозавод делал BMW для всего мира и платил в российскую казну соответствующие налоги, почему бы парням в Тольятти не ходить в волжской косоворотке, пузырясь от гордости за территорию?

Летом, оказывается, надо покупать альпийские валяные вещи – иногда отличные Jaske стоят от € 30, в то время как на альпийском курорте то же самое вам продадут под Рождество за € 2300 и выше.

Если мы уже встали на NeuhauserstraÙe, то путь наш известен – мы лавируем между любителями шопинга и религиозными гражданами. Последние идут в храм Св. Михаила и в церковь Frauenkirche. Оба здания – потрясающие образцы культовой архитектуры, величие которой легче оценить изнутри, чем снаружи. Очень рекомендую посещение церквей разных конфессий – расширяет кругозор и заставляет уважительней относиться к чужим предассудкам.

На пешеходке – киоски с фруктами и ягодами. Абрикосы с красным загаром, черника баварская с голубым отливом и отличная сладкая малина. Из гастрономических открытий этого лета: арбузы (Сардиния) могут быть вкусными без селитры, а малина (Мюнхен) может быть крупной и ароматно-сладкой. Похоже, что нас на родине «обувают».

Кстати, об обуви. Это странно, но Германия на сегодня остается источником недорогой удобной обуви для наших соотечественников. Наверное, это связано с устройством средне-немецкой ноги, именно русская антропология мешает нам порой вынести весь веронский магазин Pollini или миланский Fratelli Rosetti. Здесь можно найти что-нибудь удобное и широкое с высоким подъемом.

И тут на вас наваливается из-за угла Rathaus – Ратуша. Если сравнивать мюнхенскую ратушу, скажем, с брюссельской, еще непонятно, кто победит. Потому как мюнхенская, безусловно, грандиознее, и в ней, в соответствии с законами отца нашего Иисуса Назаретянина, гораздо меньше фальшивого золота. Кстати, во дворе справа – платный туалет. Он вам пригодится, потому что, раздавленным величием баварского муниципалитета, вам придется отправляться на мясной рынок, что недалеко от храма Св. Петра, церкви также огромной, но скромной.

Палатки на местном рынке строились и пестовались столетиями, так что палатками их трудно назвать. Но именно здесь самое свежее мясо и продукты из него, а также просто жареное мясо с пивом и прочие прелести природы – мед, пиво, рыба, пиво, устрицы, пиво, овощи, пиво и восемь сортов картофеля. Это еще одно гастрономическое открытие лета – оказывается, сортов картофеля в природе больше, чем было на той овощебазе, куда нас студентами гоняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.